

The background of the cover features a stylized sunburst at the top and bottom, with a central landscape of dark, rolling hills and a light-colored foreground. The sunburst consists of radiating lines in shades of blue and yellow. The landscape is rendered in a high-contrast, graphic style with dark blue hills and a light yellowish-tan foreground.

ВЛАДИМИР ХОТИЛОВ

НЕВЕРИЯ

СОВРЕМЕННЫЙ РОМАН

Владимир Хотиллов

Неверия. Современный роман

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17070051

ISBN 9785447445898

Аннотация

Это роман о поисках истины и любви, которые не существуют без веры... В этом убеждается главный герой – молодой сотрудник криминальной милиции Комов, в жизни которого судьба связала поиски истины и любви в тугой узел. В этой ситуации он вынужден разбираться не только в себе самом, но и в прошлой жизни другого человека с изломанной судьбой. И перед Комовым проходит целый пласт жизненных событий от эпохи хиппи и «химиков» до эпохи «великого хапка» очередного исторического излома России. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Часть первая	5
1	5
2	10
3	17
4	25
5	30
6	36
7	41
8	47
9	53
10	58
11	64
12	70
13	75
14	83
15	92
16	102
17	109
18	116
Конец ознакомительного фрагмента.	120

Неверия

Современный роман

Владимир Хотиллов

Я знаю, что я ничего не знаю...
Сократ, 4 век до н.э.

Дизайнер обложки Владимир Дмитриевич Иванов

© Владимир Хотиллов, 2019

© Владимир Дмитриевич Иванов, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-4474-4589-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая

Под одним небом – на одном свете

1

«Все мы шизики, – подумал Гришин, – раздвоенность в нас перманента и только мгновения счастья дарят нашим душам равновесие... Но это мы осознаем лишь потом, когда мгновения уже исчезли из нашей жизни навсегда...»

Возникшая мысль не удивила Гришина, не показалась ему новой или неожиданной, и в стареющей памяти, как на скале, в закатных отблесках, подобно петроглифу, высеченному прошлой жизнью, возникало слово, и он почти машинально набрал его на клавиатуре.

Результаты поиска замерцали на мониторе компьютера. Их оказалось достаточно для кропотливого изучения, но Гришин не стал этого делать и выбрал лишь гуголовскую ссылку на фотоснимок из космоса.

Он разобрался со ссылкой и стал разглядывать фотографию местности, изменяя масштаб, и быстро убедился, что нашёл именно тот посёлок, какой искал. Память не подвела его – он узнал на снимке центр посёлка и главную дорогу, его пересекающую; увидел дом, в котором когда-то жил,

рассмотрел улицы и переулки, по которым хаживал не один месяц.

Вот только улица, уходящая от главной дороги к реке, и прибрежная часть посёлка плохо различались на снимке. Они казались размытыми, как будто скрывались под облачной пеленой.

Гришин закрыл глаза, пытаясь вспомнить минувшее, и чуть ли не физически ощутил, как идёт по этой улице, ступая по пружинистой, дощатой мостовой, и жадно вдыхает сырой и тревожащий запах весенний реки... А открыв глаза, увидел перед собой, на мониторе, только неясные пятна на самой интересной для него части фотоснимка из космоса. И размазанная картинка, как посчитал Гришин, получилась из-за влияния атмосферы, а не по чьей-то злой воле.

Но он всё равно огорчился и тихо выругался от досады – ему не удалось увидеть из космоса улицу, по которой он, в уже далёкой от него прошлой жизни, ходил к любимой девушке с таким коротким и чудным именем Ия...

– Ах, Жека, Жека... Господин, Зотов! – произнёс он так, как будто обращался не к самому себе, а к незримому собеседнику из того прошлого. – Вам никогда не забыть это короткое, чудное имя...

Гришин вышел на балкон, закурил и огляделся. Вокруг царила глубокая, тёмная ночь и лишь на небесной фиолетовой сковороде аппетитно сияла поджаристым блином пол-

ная Луна. Она висела обманчиво рядом, поэтому так хотелось дотянуться до соблазнительного блина и отщипнуть кусочек на пробу, но за перилами чернела бездна и, глядя в неё, к нему быстро возвращалось чувство реальности.

Гришин курил, размышляя, и едва успел выкурить полсигареты, как почти в кладбищенской тишине послышалась трель телефона, и он торопливо вернулся обратно.

Звонил Алексей, давний друг детства, с которым его ныне связывали кроме дружбы ещё и деловые отношения.

Алексей знал обычный распорядок жизни Гришина, поэтому не извинился за поздний звонок, а только коротко сказал:

– Привет!.. Не спишь?! – и после секундной паузы продолжил. – Ну, как тебе моя рыба – будем чистить?!

Хотя Гришину не очень нравилась манера Алексея говорить эзоповым языком, но он прощал ему эту слабость и чаще подыгрывал своему другу.

– Твою рыбу чистить – это не пенсионеров в трамваях *щипать*! – ответил Гришин. – Тут нужна безотказная схема.

– Ты опять за старое!.. Серёга, пойми, мы внуки обманутых дольщиков, вложивших свои жизни в невиданную аферу... Мы жертвы мошенников и требуем свои деньги! Но в запасе у нас не так много времени... Рыбу чистят пока она свежая, а когда она протухнет, станет гнилой – к ней уже не подступишься! – голос Алексея звучал уверенно. – Начинай с местного пруда – так тебе будет легче и безопаснее...

Согласен?!

– Согласен, Алекс, но информация стареет так же быстро, как протухает рыба!

– Обновления и дополнения за мной – буду тебе высылать, – ответил Алексей на замечание Гришина.

– Как чистить рыбу? – с иронией в голосе проговорил Гришин.

– Попробуй не по правилам, то есть с головы, а там посмотрим, – советовал Алексей и тут же спросил: – Тебе понятно?!

– Понятно... И ещё по поводу *бабок* – как и куда их гнать?.. Ты же знаешь – новые финансовые схемы – это сейчас не мой конёк!

– Не торопись, делай всё по порядку, а финансовые схемы и реквизиты фонда имени Робина Гуда получишь потом, – весело произнёс Алексей, и Гришин представил себе, как улыбается при этом его телефонный собеседник.

Они попрощались, и Гришин ещё некоторое время сидел неподвижно на диване, а затем вышел на балкон – снова хотелось курить и уже никто не мог помешать ему в этом. Однако всё уверенней подступала бессонница, а в голове у Гришина назойливо завертелись слова: «Мы жертвы мошенников... мы жертвы мошенников... мы жертвы мошенников...»

«Это фраза, как икота... Надо что-то делать, иначе она просто меня доконает!» – подумал Гришин про фразу, став-

шую для него такой отвратительной.

Спасительные слова родились произвольно, и Гришин их тихо произнёс, едва шевеля губами. Заклинание подействовало и надоедливая фраза перестала его мучить, будто улетучилась из воспалённого мозга, и ему стало легче.

После ночного разговора между старыми друзьями и деловыми партнерами минуло полтора года.

2

Родители Комова – обыкновенные люди, без больших чинов и высоких званий, унаследовали от эпохи развитого социализма квартиру в типовом панельном доме, и к ней в придачу, неприметные им безгрешным, родимые пятна того времени.

Многие из нас – наследники жертв, меньшинство – наследники палачей, а большинство – жертвы наследия. Вот и родители Комова оказались обыкновенными жертвами наследия огромной страны.

Страна же представляла собой странное месиво бесконечных барахолок с огромными помойками, и эта опасная жижа, как грязевой поток, расползалась во все стороны, угрожая её затопить или взорвать.

Негромкий, но верный принцип: «Лучше быть плохим инженером, чем хорошим сантехником... И лучше жить на Северном Кавказе, чем на Южном Сахалине!», негласно торжествовавший в их эпоху, нынче безнадежно устарел, а в эпоху переходной экономики, именуемую теперь диким рынком, переменялся кардинально и из уст родителей звучал для их взрослеющего сына уже несколько иначе: «Лучше быть простым юристом, чем безработным инженером...»

Правда, на Северном Кавказе стало жить неуютно, однако, как и раньше, на рынке труда высоко котировались

трезвые и умелые сантехники, но родители Комова об этом скромно умалчивали. Таким образом, следуя новомодному принципу, молодой Комов, к удивлению несведущих людей, стал учиться на юриста в местном филиале академии МВД.

После окончания юрфака академии, как и положено, Комов оказался на службе в милиции. Он считал такое начало далеко не худшим вариантом для жизненного старта: во-первых, уже не так пугала служба в армии, в которой ещё творился беспредел и где-то всё ещё продолжали воевать, а во-вторых, работа в правоохранительных органах приносила пусть пока небольшой, но стабильный заработок.

Всё это и вселяла в него уверенность на будущее, но поскольку он происходил из обычной советской семьи и выживал в непростых условиях не совсем понятной для многих жизни, то карьерный лифт и синекура ему не грезилась.

Предшествующие годы выдалась смутными – многие в новой жизни утонули, потому что не могли грести под себя. Комов работал оперуполномоченным в одном из подразделений криминальной милиции большого областного города и учился *плавать* в этой новой жизни.

Комов уже привык за время службы получать указания от людей, у которых слова будто на вес золота, но испытывал при этом некий душевный дискомфорт и не любил по этой причине часто общаться с начальством.

– Четвертый участок... Пропал владелец квартиры, – до-

носились до Комова.

– Квартиру будет вскрывать МЧС в 15.00, – продолжало монотонно звучать из начальствующих уст, – а жилец там не простой...

Комов очнулся и, преодолевая послеобеденную дрему, собрался что-то спросить, но уже раздалась звонкая, как восклицательный знак, команда:

– Комов, свяжитесь с участком и выезжайте!

Комов безропотно взял протянутый ему листок с адресом и вышел из кабинета. Так, по заданию заместителя начальника отдела, он отправился на одну из квартир элитного, по нынешним меркам, дома, владельцем которой с недавних пор являлся некий гражданин Гришин Сергей Миронович.

Обстоятельства дела оказались самыми банальными: к Гришину из другого города прибыла жена, которую он обещал встретить в аэропорту, но не встретил, а на её телефонные звонки и вызовы через домофон не отвечал.

Супруга Гришина, встревоженная таким положением, обратилась в местное отделение милиции, чтоб там ей помогли прояснить судьбу мужа, а заодно попасть в их квартиру, поскольку ключей у неё при себе не оказалось.

После обычных в таких случаях проволочек, связанных с выяснением данных о владельце квартиры, личностях проживающих там людей и их отношений с гражданкой Гришиной Светланой Петровной, в милиции решили вскрыть входную дверь квартиры и провести её осмотр с согласия закон-

ной супруги Гришина.

Комов прибыл на место вовремя и, как только сотрудники МЧС открыли входную дверь, он вместе с участковым милиционером прошёл в зал, где сразу же увидел лежащего на полу, рядом с диваном, человека с распростёртыми руками. Пульс и дыхание у него отсутствовали. В том, что бездыханное тело и есть мертвый владелец квартиры Гришин, догадаться было несложно по крикам и рыданиям супруги покойника, которую удерживал и успокаивал участковый – ещё совсем молодой парень, почти ровесник Комова.

Работники МЧС, потоптавшись в просторной прихожей, вышли покурить, а участковый милиционер, немного погодя, увёл всхлипывающую женщину в не менее просторную кухню, где продолжал её успокаивать и пытался очень деликатно задавать интересующие его вопросы.

Явных следов насильственной смерти на теле Гришина не было, как и нечего подозрительного в зале. Удостоверившись в этом, Комов приступил к осмотру остальных помещений квартиры.

Он заглянул в спальную комнату, осмотрел её и, не найдя там ничего примечательного, перешёл в другую комнату, похожую на кабинет, где на письменном столе лежал открытый ноутбук, сотовый телефон, ключи и ещё какие-то неприметные мелочи. Комов прикоснулся к манипулятору ноутбука, и ему улыбнулась удача – тот ожил, засветился монитором и оказался в рабочем состоянии, не затребовав при этом ни-

какого пароля. Комову просто повезло и, как говорят в таких случаях дознаватели, пруха сама шла ему в руки.

Он пробежал глазами по нескольким страницам открытого файла. Текст больше походил на личный дневник или воспоминания, чем на обычное, заурядное чтиво. Комов попытался открыть файлы на флэшке, воткнутой в ноутбук, но тут его ожидало разочарование: для открытия файлов требовались пароли. Комов больше наугад, чем на удачу, выдвинул справа среднюю полку письменного стола, и ему опять повезло – он заметил внутри почти пустой полки паспорт владельца квартиры.

Он достал мобильник, быстро набрал некоторые паспортные данные и, добавив что-то от себя, отправил сообщение близкому другу, имеющему законный доступ к информационным ресурсам компетентных органов.

Ожидая ответа, Комов, вставив в свободный порт свою флэшку, скопировал содержимое из чужой флэшки, а затем файл, открытый ранее теперь уже мертвым владельцем ноутбука, поскольку убедился, что этот файл, возможно, тоже защищён паролем. Комов спешил, поэтому быстро оценил содержимое ноутбука и, не заметив ничего более интересного, закрыл файл, похожий на чьи-то воспоминания, и попытался открыть его снова, но файл без пароля открываться больше не хотел.

«Да, занятный случай, – подумал он, усмехаясь, – кругом одни пароли... И зачем они сдались покойнику?»

Комов взял со стола мобильник владельца квартиры и обнаружил, что тот включен.

– Пруха продолжается, – произнёс Ковов вслух и удивился своему голосу – он показался ему чужим и чем-то напоминал неживой голос акустического робота.

Однако изучив телефонную книгу и журнал звонков в мобильнике усопшего, Ковов убедился, что с информацией там не густо. Эсэмэски отсутствовали, кроме сообщения жены с номером рейса, датой и временем прибытия самолета в аэропорт.

Он едва успел записать необходимую информацию в блокнот своего мобильного, как раздался сигнал пришедшего сообщения. Ковов, читая его, слегка присвистнул от изумления: «Вот тебе и дедок... Вот тебе и Гришин!»

Удивление прошло быстро, а в последующую минуту у него в голове пронёсся шальной ураган ещё неосмысленных гипотетических сценариев – у Ковова задавило в висках, ему стало душно, и он, слегка отпустив галстук, выключил ноутбук и неожиданно замер, размышляя.

Мелькнула мысль, что он вроде бы ещё не всё сделал, не выполнил до конца всего необходимого, но это *всё* никак не было связано с его служебными обязанностями, с какими-то инструкциями или чем-то подобным.

Ковов, что-то пробормотав, резко закрыл крышку ноутбука, вынул из розетки кабель питания, а после секундных колебаний выдернул из ноутбука чужую флэшку и судорож-

ным движением засунул её в карман брюк.

Он устало присел на стул, провел ладонью по взмокшему лбу и затем машинально раскрыл паспорт владельца квартиры. В это время дверь в комнату приотворилась, и в неё заглянул участковый милиционер.

– А документы нашли? – спросил он тихим голосом.

Комов кивнул в ответ головой и сказал почти заученно:

– Вызывай скорую с врачом... И ситуацию объясни, а то, чего доброго, пришлют практикантов!

– Уже вызвал! – ответил тот и скрылся с обиженным видом.

3

Прошло несколько дней, наполненных привычной работой. И хотя Комов был занят новыми делами, про смерть гражданина Гришина не забывал, а вскоре и другие люди напомнили ему про этот случай. Сначала заместитель начальника отдела вызвал к себе и сообщил, что в следственном управлении к Комову имеются вопросы в связи с этой историей и ему должны оттуда перезвонить. А потом Комову позвонил сотрудник из городского следственного комитета, представился и дружелюбным, молодым голосом поинтересовался, сможет ли он зайти к ним завтра, чтоб ответить на интересующие вопросы, касающиеся его действий в квартире умершего гражданина Гришина.

Комов откликнулся на просьбу неохотно и, сославшись на загруженность, предложил ответить на них по телефону. Сотрудника из следственного комитета, по всей видимости, это не устраивало, но он произнёс всё ещё дружелюбным и чуть повеселевшим голосом:

– И что – прикажите по повестке приглашать вас, да?!

– Зачем? – с недоумением ответил Комов. – Вам нужны мои показания?!

– Пока нет, – ответил сотрудник, – но есть достаточно важные детали, которые мне необходимо уточнить... Желательно в очной беседе.

– Понятно... – медленно произнёс Комов и, выдержав паузу, предложил время для посещения городской прокуратуры.

– Отлично! Тогда до встречи, – ответил сотрудник и положил трубку. А Комов ещё некоторое время сидел за рабочим столом, размышляя про себя, и держал по забывчивости в руке телефонную трубку, пока кто-то не вошёл в кабинет.

Будущей встречи и возможных последствий от неё Комов не слишком опасался, так как считал свои действия в деле предварительной оперативной проверки в связи с обнаружением трупа гражданина Гришина формально законными и безупречными.

Но видимая сторона дела лишь слегка успокаивала его, а другая, скрытая и таящая в себе возможные неприятности и даже угрозы, настораживала Комова.

Как сотрудник правоохранительных органов и просто, как обычный человек, он интуитивно чувствовал свою уязвимость и незащищённость. Комов понимал, что причиной для таких нежелательных последствий может стать именно та флэшка, обладателем которой он стал случайным и не совсем честным образом.

Сотрудник следственного комитета, по фамилии Поляков, в реальности оказался не молодым, а уже достаточно зрелым человеком, но голос у него звучал всё ещё молодо и дружелюбно, несмотря на возраст и солидную должность.

Настороженные, пытливые глаза Полякова кого-то напо-

минали Комову, однако массивная голова с уже заметными залысинами и большие, розовые уши правильной формы почему-то отвлекали его, и он не мог уловить самого главного в облике сотрудника следственного комитета.

Комов успел лишь подумать: «Хитёр и очень цепок!.. Хорошая дрессировка видна сразу...»

– Материалы из райотдела мы получили, – произнёс Поляков и сделал паузу, поглядывая с улыбкой на Комова. – И я их изучил, но мне необходимо уточнить некоторые детали, поскольку 25 февраля вы производили осмотр квартиры на четвертом участке, где был обнаружен труп её владельца... Я имею в виду гражданина Гришина.

Поляков чуть задержал пристальный взгляд на Комове и после сказал:

– Это важно в свете последовавших за этим событий: ограблением квартиры покойного, а также уличным ограблением в нашем городе его супруги, известной вам гражданки Гришиной.

Комов не стал притворяться удивленным, а лишь сокрушенно покачал головой и произнёс глухим голосом:

– Да, неласково обошлись с несчастной женщиной... Сплошные напасти!

– По показаниям Гришиной у её мужа был с собой ноутбук и, как минимум, один сотовый телефон, – продолжал говорить Поляков. – У вас в рапорте указаны эти вещи, якобы оставленные умершим владельцем квартиры на столе в од-

ной из комнат. После повторного осмотра квартиры, эти вещи там обнаружены не были и, следовательно, были похищены преступниками.

Поляков успел едва закончить последнюю фразу, как Комов тут же заговорил, не оправдываясь, а поясняя:

– В той ситуации изъять их я по закону не имел права, а в рапорте они перечислены.

– Да не в этом дело, Виктор Иванович! – Поляков впервые назвал его по имени и отчеству. – Тут всё понятно и нет никаких вопросов!

– Так в чём же дело? – спросил Комов, как можно серьёзнее.

Поляков слегка наклонился к Комову и произнёс почти приятельским тоном:

– Я ведь, Виктор Иванович, в милиции тоже работал и уверен, что вы, как настоящий дознаватель, не лейблами там любовались, а всё-таки изучали вещи – на то вы и сыскарь! – он снова откинулся в кресле. – А как же иначе?.. А иначе и быть не может!

Комов решил не лукавить, чтоб не вызвать у Полякова подозрений.

«Лучше поделиться неприятной для меня информацией... Но изобразить всё следует правдиво и кинуть этому псу косточку, а то ведь не отцепиться!» – подумал он.

– Посмотрел... а что? – нерешительно начал Комов и уже более твердым голосом сказал. – Неизвестно, как дело по-

вернётся, а факты... А факты собирать надо – работа такая!

– Понятно, Виктор Иванович, – спокойно отреагировал Поляков, внимательно посмотрел на Комова и добавил с нажимом в голосе: – Ну и что?!

– В компе, то есть в ноутбуке, – поправился Комов, – ничего интересного не обнаружил, правда, вошёл, как гость, без пароля. Возможно, там было что-то другое... Но тогда надо входить с паролем – покойник же мне его не оставил! – при этих словах он развёл от досады руками. – А так ничего примечательного не заметил... По телефону ещё проще: обнаружил номер жены Гришина, нотариуса, кажется, Смолина... регистрационной палаты, местной фирмы «Жилстройкомплект», торгового центра «Мой дом» – я их даже не записал... И всего одна эсэмэска – от жены, с данными авиарейса... Вот, пожалуй, и всё.

Комов замолчал, а Поляков, поглаживая пальцами высокий лоб, уставился взглядом в столешницу казённого стола. Наконец он оторвал свой взгляд, посмотрел на Комова не просто внимательно, а почти пристально и спросил, сохраняя дружелюбный тон:

– И больше ничего, Виктор Иванович?!

– Собственно, да... – ответил Комов, выдерживая на себе взгляд Полякова и, чуть погодя, сказал уверенным голосом. – Причин и оснований для проведения досконального осмотра в полном объеме не было. Если бы Гришин лежал в своей квартире с прострелянной головой, тогда другое де-

ло... А в тот раз ситуация была совсем иная!

– Понятно... Всё понятно, Виктор Иванович! – Поляков не давал ему договорить. – Я вас ни в чём не виню – поймите меня правильно!

Поляков замолчал, размышляя, а затем спросил:

– Виктор Иванович, вы человек молодой, как говорят, продвинутый... Напрягите, пожалуйста, свою память и попытайтесь вспомнить... В самом ноутбуке, рядом, где-то в комнатах не находились ли внешние жесткие диски, флэш-ки или что-то подобное?

Комов задумался, но ненадолго.

– В ноутбуке и рядом ничего похожего не было – это точно! – уверенно начал он. – В письменном столе я нашел паспорт владельца квартиры и в дальнейшем уже ничего не искал. Поэтому про комнаты и прочее ничего сказать не могу... Диск, тем более флэшку, так положить или припрятать от посторонних глаз можно, что только с обыском обнаружишь!

Комов замолчал, пожав плечами, словно подтверждая этим, что добавить к сказанному уже ничего не сможет. Ещё он успел предположить, что новых существенных вопросов от Полякова не последует. Так оно и произошло: тот задал ему парочку второстепенных вопросов и они вскоре расстались.

По дороге Комов задумался о событиях последних дней, происшедших с ним, и предположил, что оказался втянутым

в историю, которая, при всей своей неопределённости, в ближайшем будущем ничего хорошего ему не сулила.

«Так быстро объединить заурядные дела из разных районов города и передать в новую следственную структуру?! – с удивлением подумал Комов. – Это не просто так!.. Значит всё очень серьёзно и в этом деле заинтересованы крупные чины... И зачем меня черт попутал эту флэшку из ноутбука тырить!»

Однако поразмыслив, Комов пришёл к выводу, что если бы он оставил флэшку в ноутбуке Гришина, то его положение от этого вряд ли изменилось. Комову вспомнился девиз нынешних времён: «Лучше быть простым юристом, чем безработным инженером, а жить лучше Северном Лондоне, чем в Южном Бутове или на Южном Урале!»

Он усмехнулся и с легкой злобой подумал: «Было бы лучше, если я оказался простым менеджером по продажам или, в крайнем случае, безработным инженером... Тогда уж точно не влип в это дерьмо!»

Вспомнил Комов и о том, что колония для работников правоохранительных органов, отбывающих наказание за различные нарушения законности, располагается где-то на Южном Урале. И от этой мысли он слегка поёжился, как от колкого уральского морозца с ветерком.

Комов догадался, что попал в круг лиц интересных не только Полякову, но и другим, пока ещё не известным ему, но реально существующим людям, на что указывали

совсем не случайные ограбления новой квартиры Гришина, а потом и его супруги. В этом круге лиц Комов занимал, похоже, не последнее, а, скорее всего, первое место. И такое положение обещало ему в будущем непростые денёчки.

Гришин уже покойник и из этого круга фактически вы-был, но его фигура, безусловно, оставалась загадкой не только для Комова. Однако какие могут быть вопросы к покойнику?!.. Жена Гришина жива и будет жить, наверное, долго, насколько господь дал ей здоровья и какую даровал судьбу. После ограблений её можно было исключить, хотя бы временно, из этого круга лиц. А вот участковый милиционер Кузьмин, сотрудники МЧС и прочие второстепенные фигуры вряд ли могли вызвать у кого-то серьёзный интерес во всей этой истории.

Комов хотел было позвонить участковому и поинтересоваться его делами, но передумал, посчитав, что ничего нового он от него не узнает. А в том, что тот побывал или ещё успеет побывать в следственном управлении у господина Полякова, Комов уже не сомневался.

Остаток дня Комов провел в райотделе, занимаясь бумажной рутинной, которая неизбежно сопутствовала его работе. Иногда он отвлекался и начинал размышлять о последних событиях, которые порывисто ворвались в его размеренную жизнь, как холодный мартовский ветер.

«Плясать надо от печки, – рассуждал он, – а печка – это Гришин... Он покойник, а жмурики молчат и не фантазируют... Фантазировать, видимо, придётся мне, если не хочу быть жмуриком с дыркой в башке от контрольного выстрела или, в лучшем случае, оказаться на тюремных нарах, а далее этапом где-нибудь на Южном Урале... И всё это за какую-то фитюльку, хреновину величиной с тубик губной помады, в которой лишь несколько гигабайт информации!.. И за которую так вцепился Поляков и, видимо, не только он один...»

Комов выругался в сердцах и продолжил свои размышления, надеясь каким-то образом связать смерть Гришина, его злосчастную флэшку и последовавшие за этим события в некую спасительную для себя версию. Она пригодилась бы ему в дальнейшем для того, чтобы отстаивать свои собственные интересы в этой запутанной и, возможно, не такой уж безобидной истории.

«Узнать бы подробности ограбления гражданки Гриши-

ной, – подумал он, – но где и как?!.. У Полякова?.. У знакомых оперов из чужого райотдела?.. И при этом не вызвать подозрений, не отметиться... Сложно, но узнать необходимо!»

Однако узнавать ему ничего, по сути, не потребовалось: читая вечером местную газету, он обнаружил короткую заметку в разделе криминальной хроники, в которой сообщалось о том, как жестоко обошлись местные преступники с приезжей гражданкой Н., ограбившие её недалеко от гостиницы.

Бедная женщина итак была удручена постигшим её несчастьем, так как у неё только-только скончался муж, поселившийся в нашем городе, и она, как писал автор заметки, возвращалась убитая горем после посещения морга.

Прочитав криминальную новость, Комов быстро сообразил, что этой информации достаточно, и не стоит ему напрягать своими расспросами об этом происшествии ни знакомых оперов, ни тем более господина Полякова из следственного управления.

«Узнаешь не больше, зато только наследешь!» – согласился он сам с собой, уверенный в том, что заметка в газете и есть описание того самого случая ограбления жены Гришина.

«Гришин – не скромный бухгалтер Александр Иванович Корейко – флэшку с секретными данными и прочие свои

тайны уж точно не хранил в камере хранения вокзала нашего города, – подумал он в тот момент. – Но это не значит, что он оставлял флэшку, где попало или носил постоянно собой. А что она оказалась у меня, так это не просто случай – это сама нелепость...»

В обычной жизни и в своей работе Комов разделял эти понятия: если случай, считал он, ещё можно как-то объяснить законами логики и, следовательно, говоря по-простому, повторить, то нелепость этим законам не подчинялась и понять, а тем более раскрыть механизм её происхождения становилось делом невозможным.

Происшедшее в квартире умершего Гришина до появления там Комова и, особенно, всё то, что произошло с ним после, он относил к нелепой случайности. А это был тот шанс, та лазейка, которой, как считал Комов, он может воспользоваться в будущих перипетиях всей этой истории со смертью Гришина.

Незаметно пролетела напряженная рабочая неделя оперуполномоченного Комова и вечером, в выходной день, ему позвонили по домашнему телефону. Комов предполагал и даже ожидал, что рано или поздно кто-то ему позвонит и задаст неудобные вопросы, что называется в лоб, без обиняков, и попытается, как говорится, взять его на испуг. Так оно и случилось.

– Комов Виктор Иванович? – спросил незнакомый муж-

ской голос, не здороваясь и не представляясь.

– Да, а в чем дело? – ответил Комов.

– Молодой человек, нехорошо воровать, – сказал незнакомец с укором.

– Извините, может, я чего-то не понимаю... или вы просто ошиблись, – ответил Комов с недоумением после паузы.

– Не надо, обойдёмся без этого! – ответил грубовато мужчина. – Всё вы понимаете, и я не ошибаюсь... Верните то, что украли у моего друга, и будем считать, что вопрос исчерпан!

– Простите, но не вас, а тем более вашего друга я не знаю, – Комов старался быть максимально предупредительным и спокойным.

– Мой друг – Гришин Сергей Миронович... ещё есть вопросы? – по интонации голос мужчины не казался Комову угрожающим, но этот голос давил на него и что-то требовал.

– Гришин... – произнёс Комов, не переспрашивая незнакомца, а будто что-то припоминая, – Гришин?.. А Гришин – вспомнил!.. Так, вы не туда обратились – вам надо в городскую прокуратуру... Делом ограбления квартиры Гришина в настоящее время занимается она. Вам нужен телефон прокуратуры?

– Не надо мне никакого телефона, сынок! – в голосе незнакомца появились угрожающие нотки. – И не надо городить туфту!.. Лучше верни то, что спёр в квартире моего друга – вот и всё!

Комов не отвечал какое-то время, вслушиваясь в дыхание

незнакомца и в посторонние шумы. Похоже, что тот звонил с городского таксофона.

– Знаете, папаша, не надо брать меня на понт, – как можно спокойнее и с выражением в голосе ответил ему Комов. – Уверен, уважаемый, что знаете, где и кем я служу, поэтому, если есть другие вопросы, заходи – обсудим!.. А трепаться по телефону и обсуждать небылицы я не собираюсь... Пока!

Комов положил трубку и даже захотел отключить телефон от линии, чтоб больше не слышать хабалистый голос незнакомца, который наверняка от него не отстанет. Но телефон больше не звонил и Комов, после нескольких минут раздумий, решил этого не делать.

Настала новая рабочая неделя, но никто после несколько странного телефонного разговора к Комову не заходил и тем более не предлагал что-то обсудить. Только разговор с участковым Кузьминым на крыльце райотдела, где они встретились почти случайно, напомнил ему про историю со смертью Гришина.

Вид у Кузьмина был немного напуганный и явно озабоченный. Он сам остановил Комова и отозвал его в сторонку.

Они закурили и Кузьмин, слегка волнуясь, проговорил:

– К нам на участок... на прошлой неделе заходили люди... горожане. Не братки, не плесень всякая, а вполне солидные на вид мужчины. Назвались друзьями Гришина, того самого, что в квартире мертвым обнаружили. Разговаривали со мной...

– И что же их интересовало? – перебил его Комов.

Кузьмин замялся, подбирая слова для ответа:

– Да так... Поспрашивали, как там и чего... Я объяснил, что после обнаружения трупа осматривали квартиру с разрешения хозяйки... Вот и всё!.. Потом они сами назвали вашу фамилию и спросили про вас. Ну, я им сказал, что проводился, по сути, обычный осмотр, ничего особенного... и больше – ни-ни!

По всему было видно, что визит солидных мужчин в опор-

ный участок милиции озадачил Кузьмина и сейчас он даже не пытался этого скрывать.

Комов какое-то время размышлял, покуривая сигарету, а потом, повернувшись к нему и стараясь выглядеть убедительным, произнёс равнодушным голосом:

– Ерунда всё это, Кузьмин... Не бери в голову и не напрягайся!

Комов хотел добавить ещё что-то, но посчитав это лишним, которое только навредит их случайному разговору – лишь улыбнулся Кузьмину и по-дружески похлопал участкового по плечу.

Вечером, проверяя электронную почту, Комов обнаружил послание от своего близкого приятеля, который откликнулся на его просьбу, просмотрел журнал запросов по персоне Гришина Сергея Мироновича в базе данных компетентных органов и отправил ему выписку из него.

В выписке значилось всего два запроса из территориальных органов. Первый запрос был зафиксирован 6 февраля текущего года от старшего оперуполномоченного по особо важным делам Заречного РОВД Зарубина. А вот второй – 14 февраля был инициирован Поляковым – сотрудником следственного комитета, с которым Комов уже успел пообщаться.

По слухам, доносившимся до Комова, он знал, что в Заречном РОВД не всё благополучно и часть сотрудников, возможно, имеет прочные связи с криминальными элементами

города и, по сути, работает на них. Впрочем, то же самое можно было бы предположить относительно любого территориального подразделения областного центра, в том числе и того, где служил сам Комов.

Но сейчас милицейские проблемы его занимали меньше всего, и он обратил внимание только на даты запросов. Они предшествовали событию естественной смерти гражданина Гришина, открытию уголовных дел в связи с ограблением квартиры и уличным нападением на супругу покойного.

Судя по этим запросам, получалось, что Гришин попал в сферу интересов областных правоохранительных органов почти сразу же по прибытию в город. Комову, знакомому с работой органов не понаслышке, такое показалось странным и никак не соответствовало реальной практике, даже учитывая то обстоятельство, что гражданин Гришин являлся рецидивистом.

Если компетентные органы специально отслеживали гражданина Гришина, то никаких запросов на территориальном уровне относительно его персоны не могло быть в принципе. Сведения о нём передали бы просто из вышестоящего органа в соответствующую службу нижестоящего органа, кому они необходимы для проведения оперативно-следственных мероприятий, и всё бы на этом закончилось.

Значит, полагал Комов, кто-то из старых знакомых по преступному миру опознал Гришина в городе. Далее информация попала по каким-то каналам в Заречный РОВД,

и лишь затем появился запрос в служебной базе данных относительно его персоны.

Нелогичным показался запрос от сотрудника следственного комитета Полякова. Все ограбления произошли после 25 февраля и, следовательно, дела были заведены на них после этой даты, однако запрос от Полякова поступил 14 февраля, когда Гришин был ещё жив-здоров... Уголовных дел за ним никаких не числилось, а новых дел ещё не существовало в природе. Следовательно, Поляков делал запрос по собственной инициативе или по указанию других лиц, но только не по служебной необходимости.

Всё запросы лишь на первый взгляд выглядели странными, но у каждого из них наверняка имелась своя логика, которую Комову требовалось понять. И он уже предположил, что скрытые инициаторы этих двух запросов на своих уровнях иерархии никак между собой не связаны, а вот цели, интересы и осведомленность инициаторов этих запросов были ему пока не ясны.

– Каждый охотник желает знать, где сидит фазан, – Комов произнёс известную с детства фразу и подумал: «Кто фазан?!.. Гришин?.. Его теперь нет. Тогда, наверное, я... но это, похоже, не все понимают, а точнее не все в это верят. И моя задача не совершать ошибок, разрушающих это неверие».

Комов задумался, вспоминая прошедшие дни, пытаясь найти в своих действиях хотя бы намёки на малейшие ошибки. Но по всему выходило, что таких ошибок он не совер-

шил, и Комов немного повеселел от этого.

– Каждый охотник желает знать, где спрятана флэшка, – фраза, сказанная вслух, родилась у Комова произвольно. Она ему понравилась, особенно последняя её часть, и он уцепился за неё.

«Где спрятана флэшка? – повторил он про себя. – Кто-то не знает, что она существовала, а кто-то догадывается или почти уверен, что она есть... Да, она существовала, но первым, кто её прятал, был Гришин!»

Похожие мысли уже приходили Комову, но теперь, после словесного каламбура с фразой про охотника, у него вызрела легенда правдоподобной версии.

«Часы, обручальное кольцо и перстень на левой руке... На нём футболка и летний спортивный костюм. На ногах туфли из вельвета на толстой подошве из пористой резины и с застежками на липучках... – Комов вспоминал свой рапорт и выстраивал версию. – В таких башмаках Гришин запросто мог прятать флэшку с секретной информацией... А после посещения морга, супруга Гришина забирает их и элементарно, без сожаления, выбрасывает всё, кроме дорогих ей предметов... Допустим, в любой мусорный ящик на обратном пути. А найти сейчас флэшку на городской свалке или нового владельца этих башмаков в миллионном городе уже практически невозможно...»

Версия для этой истории, порядком ему надоевший, показала Комову достаточно убедительной, и он решил на ней

остановиться.

«Главное сейчас – надежно укрыть источник информации и не делать резких движений! – рассуждал он. – Необходима пауза, а время само подскажет дальнейшие шаги».

Паузу Комов решил заполнить изучением, обнаруженного в ноутбуке Гришина файла с текстами, похожими на чьи-то воспоминания, где главным героем выступал некий Евгений Зотов, по прозвищу Жека, и события разворачивались в конце 60-х годов прошлого века.

Комов скопировал файл на свой служебный компьютер и начал почитывать в минуты отдыха.

6

– Жека!.. Жека! – несколько голосов раздалось почти одновременно в углу стройплощадки, где мужики из их бригады строили тепляк. Евгений Зотов, Женька, а короче – Жека – это имя, дворовое и школьное, превратилось теперь в его кличку.

Траншея под фундамент, которую копал Жека, была ещё неглубокой, и он легко, почти с места, выпрыгнул из неё и пошёл навстречу парню, который направлялся от группы мужиков в его сторону. Круглолицый парень с добродушной ухмылкой на лице, не здороваясь и не спрашивая его ни о чём, протянул ему записку.

– Суточники из КПЗ просили передать от кентов твоих – им большой срок светит!.. Вооруженный разбой, квартирная кража... Мента они ещё порезали, – круглолицый говорил с сожалением, но ухмылка всё не исчезала с лица, словно он с ней родился и обязан с ней умереть. – Дела у них паршивые... Я не видел, но суточник мне сказал, что Санёк, старше который, видать, крепко переживает... По камере из угла в угол шастает, а самого так и трясёт!.. А у подельника его, чернявого, они попросили клёвый свитер – чистая шерсть... Зачем, говорят, тебе – всё равно на зоне, в каптёрке, моль на труху схавает... Не отдал, наверное, на что-то надеется!

Зотов, кивнув головой, словно соглашаясь с парнем, раз-

вернул записку и пробежал по ней глазами, не вникая особо в содержание, а больше разглядывая печатные буквы, написанные карандашом, и пытаюсь понять, кто из дружков мог её написать. А когда оторвал взгляд, то не обнаружил перед собой круглолицего – тот будто растворился в сумраке осеннего утра...

В записке, на обратной стороне клочка старых, цветастых обоев, сообщалось, что его лагерных кентов будут судить в ближайшую среду в Кымском райсуде.

Ребята просили Жеку организовать им водяры после суда, достать и передать деньги, сколько он сможет. Зотов задумался, но ненадолго, а затем продолжил копать траншею. Углубился на своем участке ещё на два штыка, а потом решил тут же в траншее перекурить.

– Вылазь, ударник! – послышался голос сзади. Жека обернулся и увидел над собой смуглое лицо Лёхи с добродушной, фиксатой улыбкой.

Прежде, до зоны, Лёха работал сварщиком, а ныне, на условной воле, как и Жека, значился бетонщиком и сейчас рыл землю под фундамент будущего кинотеатра.

Жека уже подметил, что Лёха становился таким подобревшим обычно перед обедом либо после выпивки: его прокопчённое от сварки лицо, обычно хмурое и озабоченное, на это время веселело, а в чёрных, маслянисто-слезливых глазах Лёхи начинали играть бесоватые искорки.

– Пора обедать, – сказал Лёха и помог выбраться Жеки

из траншеи, в которую тот углубился почти до пояса.

По дороге Жека размышлял о дружках, об их просьбах, не зная, как ему поступить в этой ситуации.

«Может, Лёху спросить?» – соображал он.

Хотя все люди на эту новостройку прибыли из одной зоны и одним этапом, большинство из них знали друг друга плохо. Со многими Зотов не успел толком познакомиться: одних различал по именам или кличкам, а других знал лишь в лицо. Да и с Лёхой он познакомился только недавно, благодаря Серёге Грозину, которого знал ещё по пребыванию в следственном изоляторе.

Но Серёга работал в промкомбинате, на пилораме, проживал там же, в местной общаге, и всё это находилось на другом конце Найбы, километра два с лишним отсюда. Лёха – мужик поживший, на вид раза в два старше Жеки, но он всё же не стал беспокоить его своими сомнениями.

«Лучше после работы, вечером, зайду к Серёге...» – подумал Жека, решив обсудить с ним свои проблемы. Однако мысли о дружках, попавших в беду не по чужой воли, а из-за собственной дурачности не давали ему покоя.

На какое-то время его перестала интересовать окружающая реальность. В столовой он не заметил отсутствия Маши, стройной, как балерина, девчушки, обычно порхающей на раздаче блюд. Улыбчивая Маша работала быстро, была любезной с клиентами и успевала ещё при этом пококетничать с парнями. Жеки она показалась в первый раз смазли-

вой, а её неутомимое стремление всем понравится, он, как остальные парни и мужики из этапа, оценил сразу, посчитав, что проблема дефицита мужского населения в этих глухих местах явно острее, чем в обычной провинции.

Сейчас вместо юного лица Маши перед ним оказалось усталое лицо ещё молодой женщины с разноцветными, слегка косящими глазами. Она улыбалась ему какой-то виноватой улыбкой. Жека едва взглянул на неё и даже не вспомнил, что эта именно та женщина, которая в один из первых дней их появления в Найбе, не выпускала его вечером из пустого зала столовой.

Жека оказался в тот вечер последним, запоздалым клиентом. Местные почти не посещали это заведение, иногородние отсутствовали, а мужики из их этапа, уже успевшие пропить аванс, здесь не появлялись.

Женщина вышла из кухни и, желая привлечь к себе внимание, заговорила с последним посетителем. Озорно улыбаясь и с интересом поглядывая на Жеку, она не спешила пропускать его в тамбур, где задвинутый между дверными ручками деревянный брусок служил временным запором для входных дверей столовой.

Озорница, ничуть не смущаясь, затеяла с Жекой отчаянную игру и пыталась преградить собой проход в тамбур. Но, почувствовав, как сильные руки Жеки, прикоснувшись к её телу, не желают его, а её откровенное заигрывание вызывает у парня явно неподдельное раздражение, довольно быстро

отступила.

Тусклый свет из тамбура освещал полутёмный зал столовой, уже скрывая черты лица незнакомой женщины, и Зотов, слегка озадаченный лишь ему непонятной игрой, вышел на улицу.

В тот момент, как казалось ему, он любил только одну девушку, но эта девушка находилась далеко отсюда... А лицо этой, чужой ему женщины, которая секундами ранее находилась рядом с ним и жаждала любви, близорукий Жека просто не запомнил.

Кафе в центре Найбы являлось заведением особенным по нескольким причинам: во-первых, это было первое гражданское здание, сооруженное из кирпича в дремучем лесистом краю, и уже только поэтому стало местной достопримечательностью, а во-вторых, в будние и выходные дни там по вечерам продавались горячительные напитки для употребления на месте и на вынос.

Сервис с буфетной наценкой на горячительные напитки привлекал местных жителей мало, поэтому потребность в алкоголе они удовлетворяли в здешнем кафе лишь в экстремальных случаях, а вот в остальных предпочитали обходиться без этого заведения. Зато для иногородней, заезжей публики новая точка общепита приобретала во многом стратегическое значение во время пребывания в этом глухом месте.

Для найбинского райпо торговля спиртным приносила дополнительную выручку, без которой данное заведение, как обычная столовая, становилось бы убыточным... И построили новое заведение очень разумно: напротив здания местного отделения милиции, откуда был отличный обзор не только этого, но и прочих многолюдных мест посёлка.

По плану развития Найбы в скором будущем вторым гражданским объектом из кирпича мог бы стать широко-

экранный кинотеатр, к строительству которого уже приступила бригада, организованная из условно освобожденных заключенных, прибывших сюда одним этапом из исправительного учреждения общего режима.

Вот в этой бригаде трудился Жека Зотов и его новый приятель Лёха. Они, когда им позволяло финансовое положение, обедали в найбинском заведении общепита.

– Нулевой цикл – это копейки! – объяснял Лёха со знанием дела премудрости гражданского строительства неопытному Жеке, когда они возвращались с обеда.

– Придёт время – на сухари сядем, если подогрева не будет, – серьёзно рассуждал Лёха, попыхивая папироской в зубах.

Жека ни о чём, кроме как о письме от дружков, не задумывался и молчал после обеда. Но когда подошёл к своему участку и заглянул вглубь траншеи, то воскликнул от удивления – там, на дне, за обеденное время появилась и уже поблескивала приличная лужица.

– Да, хреново... – с сожалением в голосе произнёс Лёха. – Видать грунтовые воды... И это только за час обеда!

– А, что дальше будет, а? – спросил расстроенный Жека. Ведь ему, как и всем остальным землекопам, надо было лезть в траншею и углубляться до проектной отметки.

– Пойду, гляну, как у меня, – ответил Лёха, тоскливо посмотрел на свои, изрядно поношенные кирзачи, и удалился с озабоченным видом. А на Жеке оказались резиновые сапо-

ги, поэтому он спустился в траншею и продолжил копку.

Но копать земля приходилось всё труднее и труднее: стали чаще попадаться камни, вода в траншее только прибавляла, и Жека начал вязнуть в жиже.

Когда ему надоела такая работа, он с трудом выбрался из траншеи и пошёл искать бригадира или мастера. Однако начальство на объекте отсутствовало, а на стройплощадке громко раздавался чей-то гнусавый, противный голос.

Резкие и неприятные звуки исходили от новоиспечённого бетонщика, по прозвищу Баклан, который не горел желанием лезть после обеда в траншею. Парень с птичьей кликухой сидел на сосновом чурбане и сейчас больше смахивал на филина, чем на баклана, вертя головой по сторонам, и периодически, как глупая, но говорящая птица, выкрикивал, чуть ли не всю глотку:

– Вафлёрша!.. Вафлю!.. Вафлю!

Баклан, страдая, по всей видимости, от длительного воздержания и отсутствия женского внимания и ласки, искал отдушину для своей похотливой натуры.

На стройке, кроме женщины инженера-строителя, которая вела разметку фундаментов и перемещалась по объекту с теодолитом, никого больше из прекрасной половины человечества обнаружить было невозможно. И двусмысленные выкрики Баклана касались именно этой, уже немолодой, женщины, которая исправно занималась своим делом, не обращая никакого внимания на его голосовые упражнения.

Вскоре на стройплощадке появилось всё начальство: бригадир, мастер из местных, Барсуков Иван Степанович, и прораб из качкарского СМУ.

Мастер ещё на подходе обратил внимание на явно издевательские возгласы Баклана, звонко раздающиеся на стройке, сообразил, что к чему и сразу же направился к источнику непроизводственного шума.

– Слушай, как там тебя... Баклан! – обратился он голосистому бетонщику и повертел пальцем у виска. – Тут дур деревенских нет – все с понятием!.. Кончай кричать, а то набакланишь на свою задницу!

Мастер годился Баклану в дедушки, поэтому парень умолк без возражений, но тут же быстренько переключился и заголосил по поводу воды, прибывающей в траншеях, решив таким образом отыгаться.

– Знаем... В курсе – будем думать! – сдержанно ответил мастер и направился к прорабу, которой стоял у траншеи, в которой ещё недавно мучился Жека.

– Да, грунт тяжёлый и к тому же вода, – вслух рассуждал прораб. Он поднял камень, лежащий в кучи откопанной земли и, внимательно осмотрев его, произнёс: – Мергель. Осадочная горная порода...

– Какая, ещё нахрен горная, когда тут одни леса да болота! – встрял в разговор неугомонный Баклан.

Прораб, не глядя на него, добавил негромко и поучительно:

– Она образовалась здесь миллионы и миллионы лет назад...

– Когда по Найбе бродили стада динозавров, летали стаями птерозавры, а безмозглых бакланов ещё и в помине не было... – заметил главный остряк и умник Миша Соловейчик.

Стоящие вокруг ребята из бригады дружно заржали, а бледный Баклан слегка порозовел, но промолчал, зная, что тягаться с Мишей ему не по силам.

– Мергель используется для производства портландцемента, – будто невзначай пояснил прораб.

– Нам-то что с этого?!.. Только рыть мешает, – сказал кто-то из окружения.

– Слышал, что он спутник фосфоритов и даже урановой руды, – заинтересованно произнёс Миша Соловейчик.

– Для фосфоритов – мергель спутник, а вот по поводу урана ничего сказать не могу, – ответил прораб, улыбнулся и добавил:

– Образованный и умный нынче народ пошёл из исправучреждений!

– Чем больше народу сажаем, тем быстрее он умнеет! – заметил мастер Барсуков с окаменевшим лицом.

Кое-кто, услышав его слова, усмехнулся, а Миша Соловейчик со свойственной ему откровенностью сказал:

– А я бы вас поправил во второй части этого тезиса: тем гнилее он становится!

– А это что в лоб, что по лбу – никакой разницы! – отве-

тил ему мастер Барсуков и обвёл всех окружающих колючим взглядом. Никто из них не желал ему возражать, а прораб решил перевести разговор на производственную тему и сказал, обращаясь к присутствующим:

– Завтра получите ручную помпу и электронасос – попробуйте откачивать воду... А там будем уже решать!

Народ стал расходиться, а мастер Барсуков, не отрывая далеко от губ дымящейся папиросы, тихо прохрипел:

– Генерал-мороз всё решит...

Жека стоял рядом с ним и всё слышал.

Грозин взял у Жеки записку от дружков, опустил чуть ли не до пояса и стал читать, почёсывая свободной рукой рыжую, крепкую щетину на своем лице.

Жеки казалось, что он читает слишком долго, а его лицо, красивое и волевое, при этом ничего не выражает. Но вдруг глаза Грозина неожиданно повеселели, и безразличное выражение лица стало у него простодушно-лукавым.

– Джо, мне жаль, что твоя гнедая сломала ногу, но мой Болливар двоих не выдержит! – произнёс он и, не сдерживая себя, рассмеялся своим неповторимым и заразительным смехом.

Грозин иногда называл его Джо, а ещё любил всякие словечки и выражения из прочитанных книг или увиденных кинофильмов. Но на этот раз Жека опешил и не знал, как ему вести себя в этой ситуации.

– Неправда! – проговорил он, когда Грозин прекратил смеяться, и это было единственное, что он мог сказать в этот момент.

– Что?!.. Неправда?! – с напряжением в голосе переспросил Грозин. – А кому нужна, правда, а? Кому?! – продолжал он, распаляясь. – Всем подавай сказки, байки, приколы!.. Все довольны лажей, а тебе нужна одна только правда... Получай, коли так!

Он приблизился к нему вплотную, взял Жеку за плечо и потрянул.

– Моли Бога, что со своими кентами не попал в один этап! – произнёс он уже более спокойным голосом. – А то бы загредел вместе с ними под фанфары – точняк!.. Вот и вся, правда!

В комнате стало тихо, и было слышно, как где-то неподалёку орал, ругаясь, какой-то пьяный мужик.

– Санька, конечно, жаль, – с тоской в голосе сказал Серёга, скомкал в кулаке записку и швырнул её в угол комнаты.

Санёк, один из дружков Жеки, ровесник Грозина, познакомился с Серёгой в следственной тюрьме, когда они пребывали какое-то время в одной камере. Он уже успел жениться и развестись, и у него, как и у Серёги, была от неудачного брака дочурка.

– А про это, – он кивнул в угол комнаты, куда только что швырнул записку, – забудь!.. По воробьям из пушек – по Луне из рогатки!.. Ты им уже ничем не поможешь, а сам – вяпаешься!

Грозин на какое-то время приумолк, а затем хлопнул Жеку по плечу и снова заразительно заржал, но Жеке было не до смеха – он просто размышлял.

– Сохатый во всем виноват, – поразмыслив, сказал Жека. – Из-за него Влад в *шизо* угодил, а так он со мной в одном этапе должен был идти.

– Какой сохатый?!.. Причём тут сохатый? – не сразу по-

нял Грозин, а потом с удивлением спросил: – Так это Лось, что ли?!.. И он за Лося в *шизо* сел? А Влад – это твой ко-рефан – смуглый такой, с большой тыквой и золотой фиксой, да?

Жека утвердительно кивнул головой, а Грозин, изобразив на лице непонимание, замолчал.

Лось – сутуловатый верзила и достаточно неприятный тип с бесцветными, выпученными, как у совы глазами, и слюнявым, оттопыренным по-рыбьи ртом, был известной фигурой на их зоне. Лось отбывал срок за изнасилование. Этот трусливый, забитый парень был не в меру болтлив, ещё не в меру ленив и кроме шуточного, а порою презрительного к себе отношения у большинства осуждённых не вызывал.

Походка у него напоминала лосиную поступь: он медленно, почти величаво вышагивал по зоне, покачивая при ходьбе своей массивной башкой с огромными ушами, торчащими в разные стороны, а когда останавливался, то медленно её поворачивал, озираясь по сторонам и пожевывая губами. В этот момент он достигал максимального сходства с сохатым обитателем леса, за что и был прозван Лосем.

Здесь, на зоне, в убогой душонке Лося всё ещё жил насильник, правда, пока это проявлялось только в его пустой болтовне.

«Я, как за вахту выйду, я точняк Веру Ивановну за-ва-лю!» – рассуждал он часто вслух, выговаривая последнее слово по слогам, и при этом шлепал губами, истекая слюной.

А Вера Ивановна – дородная и высокая женщина с добрым характером, заведующая больничкой их исправучреждения, слышала об этом его трёпе от других осуждённых, но к Лосю относилась, по-прежнему, как к большому и бестолковому ребёнку.

Лось не работал, а больше сачковал в бригаде, где трудился Влад. И тот как-то раз решил заняться трудовым перевоспитанием Лося, но педагог Макаренко получился из него никудышный.

В тот день Влад сгоряча скрутил запуганного Лося резиновым шлангом, повозюкал его в таком виде по куче песка на стройплощадке, где они работали, и слегка попинал ногами в воспитательных целях. Что случилось дальше, для Жеки было не совсем ясно: не то Лось не стерпел и пожаловался отрядному, не то сам дежурный помощник начальника колонии застал Влада в роли неуполномоченного воспитателя.

Так это было или иначе, теперь всё это уже не имело значения, но в результате проявленной тогда незаконной активности на воспитательном поприще Влад заработал несколько суток штрафного изолятора и посему не отправился тем этапом, которым Жека, как условно освобождённый, попал в Найбу.

– И ты решил, что будь Влад с тобой, то никакой заварухи в Качкаре с ними не случилось? – спросил Грозин, пытаясь понять ход его мыслей.

– Возможно, а, впрочем, это всё мелочи жизни! – по-

взрослому ответил Жека.

– Да... – задумчиво произнёс Грозин после паузы. – Все мы под одним небом – на одном свете под главным вертухаем ходим, – он поднял глаза к потолку, оттопырив в ту сторону большой палец руки, затем не спеша закурил и добавил: – А в жизни, Жека, мелочей не бывает – сам убедился... Ведь так её можно всю на мелочь разменять!

Жека внимательно посмотрел на своего непредсказуемого друга, полагая, что тот в очередной раз шутит и через мгновение снова, как обычно бывало, неожиданно и заразительно рассмеется, но Грозин притих и уставился в стену невидящим взглядом.

Насосы на стройплощадке не помогли – уровень грунтовых вод оказался высоким и откачка воды из траншей положение дел не улучшила. Вода не желала из них уходить и копка земли под фундаменты становилась почти бесполезным занятием, и продолжение работ только приводило в дальнейшем лишь к их обрушению.

Наступали холода, и народ из этапа потихоньку начал убавляться: кто-то запил или ударился в прочие грехи, а кто-то переступил закон и снова лишился свободы.

Холода подгоняли, и основная часть бригады занялась сооружением тепляков и другими вспомогательными работами. А в одно утро мастер собрал всех в круг и объявил, что их основная задача до нового года – завершение работ

по фундаментам.

– Если до нового года фундаменты готовы не будут, то объект в Найбе заморозят до лучшей поры, – подвел итог мастер Барсуков и, медленно оглядев присутствующих, произнёс с уверенным видом: – А вас, ребята, скорее всего, переведут тогда в Качкар!.. Там работы хватит на всех!

Это известие радости не у кого не вызвало и на то у каждого нашлись свои причины. Подпорченное настроение у Жеки несколько улучшилось, когда после обеда он получил на почте телеграмму из дома. Он ждал её и надеялся с помощью этой телеграммы вырваться из Найбы на несколько дней в родной Неверов.

Василий Захарович Митяев (за глаза Митяй или Захарыч) по призванию был артистом, немного балагуром, любил охоту с рыбалкой, хорошо выпить, однако по воле партии и причудам судьбы служил в органах милиции, являясь старшим участковым уполномоченным, и отвечал в настоящее время за законность и порядок в самой Найбе и её окрестностях.

Участок у него в Кымском районе оказался самым большим. На круг эти просторные и не слишком спокойные владения раскинулись почти в двадцать пять километров, о чём Митяев любил, при случае, непременно кому-нибудь напомнить. Вот к нему Зотов и поспешил с телеграммой от родных, заверенной врачом, в надежде получить краткосрочный отпуск по семейным обстоятельствам.

В кабинете участкового Жека успел едва разглядеть женщину неопределенного возраста с рыжими волосами и припухшим лицом, как Митяев приостановил его поднятием руки.

– Погуляй, милоч, погуляй чуток, – почти ласково проговорил он, – а после дамы – заходи!

Найба накрылась снегом, было тихо и не видно не души. Бродить одному по посёлку Жеке не хотелось, а из кабинета Митяева с крохотной прихожей отчетливо доносился голос участкового:

– От гражданки Фелиции Львовны Сторчак, проживающей в посёлке Найба по улице... бу-бубу... заявление... двадцать седьмого октября текущего года я познакомилась в окрестностях посёлка Найба с гражданином Александром, по кличке Баклан, поскольку его настоящей фамилии не знаю. Мы понравились друг другу и вступили в тот же день в интимные отношения. Потом он пригласил меня к себе в общежитие по улице Советской, дом тринадцать. Там мы... бу-бубу... где меня после... бу-бубу... где меня потом... бу-бубу... прошу за причиненные насильственные действия... бу-бубу... в соответствии с законом... бу-бубу... привлечь к ответственности лиц, совершивших указанные действия по отношению ко мне... подпись и дата.

Наступила пауза, потом послышались всхлипы, а вслед за ними раздался возмущённый женский крик:

– Я ж ему одному хотела дать, а он, подлец, всех своих дружков позвал! – женщина продолжала всхлипывать, а Митяев, похоже, размышлял.

Жека собрался уже пройтись, как опять повалил снег, и он, притаившись от непогоды под узким козырьком над полураскрытой входной дверью в прихожую, стал невольным свидетелем разговора в кабинете Митяева.

– Фелиция... Фёкла Львовна, – говорил Митяев, – ты ж умная баба!.. Институт закончила, аспирантуру... Не возьму я твою бумагу даже на всякий случай и дела никакого не будет!.. И пойми меня правильно... Нет никаких фактов!.. Ве-

щдоков!.. Свидетелей!

– Не Фёкла я, не Фёкла, товарищ милиционер! – поправляла его женщина, а Митяев невозмутимо продолжал разговор. Женщина, всхлипывая, возражала ему, но Митяев был непреклонен:

– Знашь, Фелиция... Фёкла Львовна, зажрались вы там в своих столицах – с жиру беситесь! У меня в Найбе и вокруг неё таких сторчаков-торчаков, как бродячих собчаков... Я твою анкету смотрел и кое-что знаю... Отец – известный учёный, профессор, доктор мудимудических наук... А прадед кто?!.. А прадед ученик и сподвижник самого Плеханова! Отца русской демократии... Вот как!.. А ты?!.. Тунеядка позорная!.. Дома бухала, не работала и здесь дурочку валяешь... Ты в Найбе скоро год, а мне на тебя характеристики писать... Учти!

Всхлипы продолжались, а голос Митяева становился всё более угрожающим:

– Вот-вот, учти, Фёкла Львовна!.. Мать... вас... всех за ногу! – раздавалось из кабинета участкового. – Бухаешь, шашни с уголовниками крутишь, а как чего, так сразу к Митяеву со слёзными бумажками! Строго предупреждаю – становись на путь исправления... А иначе будут неприятности – обещаю!

Всхлипы прекратились, женщина, видимо, приводила себя в порядок, а Митяев выдерживал паузу.

– Вот и ладненько! – послышался его голос. – А теперь

ступай – без тебя дел хватает. На Найбу десант уголовников сбросили – сидишь тут, как на сковороде... Мать... вас... всех за ногу!

Дверь кабинета распахнулась и рядом с Жекой оказалась рыжеволосая, уже изрядно потрёпанная женщина в стеганом ватнике и в тёмно-синих брезентовых штанах, заправленных в резиновые сапожки. Она равнодушно посмотрела на Жеку.

– Закурить не дашь? – быстро спросила рыжеволосая. Он протянул ей раскрытую пачку сигарет. Опухшее от пьянства и слез серое лицо искривилось от наигранной гримасы, словно кто-то надавил на щёки рыжеволосой, и она проговорила нараспев:

– А я такие не курю... Мерси! – и сбежала по ступенькам крыльца, поправляя копну рыжих волос.

– Мерси-мерси, но больше не проси... – негромко произнёс Жека, проводил взглядом разбитную бабёнку и вошёл в кабинет Митяева.

Василий Захарович прочитал телеграмму, повертел её в руках, словно не знал, что с ней делать, а затем вернул Жеке.

– Домой собрался? Погостить? – ласково протянул он. – Небось, по милке соскучился, а?

Жека промямлил ему что-то в ответ про больную мать.

– Понимаю, я всё понимаю, – Митяев заулыбался и, хитровато прищурясь, пояснил. – С вашим братом будет работать спецкомендатура. Ну и я, по месту, так сказать. Спец-

комендатура для вас пока создается...

Митяев не договорил и посмотрел в окно, из которого открывался обзор на центральную площадь Найбы со всеми местными горячими точками, которые он контролировал, не выходя из своего кабинета.

– Так вот, поезжай в Качкар, – продолжал Митяев, и улыбка вновь засветилась на его живом лице. – Получи в СМУ у вашего начальника разрешение на поездку, а после командировочное удостоверение. Он отныне для вашего брата, что главный вертухай, а вернее – главный бугор будет... С главным бугром знаком?!.. Уже видел?

Жека кивнул головой.

– Вот и лады!.. Получишь разрешение, значит, побывка будет! – проговорил Митяев. – Мамаше от меня привет и крепкого ей здоровья!.. А теперь жми в Качкар!.. И после побывки не забудь зайти ко мне, чтоб я отметку о прибытии сделал.

Митяев умолк, застыв на мгновение, но ломанувшийся к выходу Жека и резкий звук от закрытой им двери, вывели его из этого состояния.

– Не забудь!.. Мать... вас... всех за ногу! – крикнул он вдогонку и, хотя никого рядом уже не было, артистично поморщился, словно от зубной боли.

Последние слова участкового милиционера Жека уже не расслышал – мысли о предстоящей поездке и связанные с этим хлопоты овладели им полностью.

В конторе СМУ начальника на месте не оказалось и Жеке пришлось ожидать в приёмной. Там он обратил внимание на секретаря, ещё молодую, русоволосую женщину с серыми задумчивыми глазами.

Лицо женщины почему-то притягивало Жеку, и он удивился возникшему желанию, но сохранял равнодушный вид и лишь осматривал небольшую приёмную, ненадолго задерживая взгляд на её хозяйке.

Она же, отрываясь иногда от чтения книги, плавно поворачивала голову и смотрела в окно, в которое сквозь хмурое небо и голые деревья робко пробивались золотистые лучи солнца.

В приёмную никто не заходил, всё в ней будто остановилось и замерло. Женщина заговорила первой и спросила тихим голосом его фамилию.

Жека назвал.

– Зотов?! – повторила она с некоторым удивлением. – А, Зотов... Теперь припоминаю и, кажется, вспомнила... Вы из Неверова, не так ли? – спросила она и произнесла будто случайно: – Оттуда письмо начальнику СМУ не так давно очень плаксивое пришло от какой-то женщины, возможно, вашей мамы – не помню её фамилии... А я в вашем городишке когда-то проживала, наверное, поэтому у меня это

и отложилось.

Последние слова женщины, особенно упоминание о плаксивой мамаше, задели Жеку, и он захотел ей возразить, но почему-то промолчал и только внутренне напрягся, ещё ниже склонив голову, и упёрся взглядом в пол. Он неожиданно охладел к этой женщине, которая ещё совсем недавно привлекала его и казалась загадочной.

Зотов быстро сообразил, что, несомненно, когда-то встречал её в Неверове и не один раз, и зрительный образ этой женщины, видимо, успел сохраниться в его памяти. Вот и вся загадка... Но сейчас её тихий и слегка завораживающий голос, неторопливые движения и даже приятное лицо с большими серыми глазами стали почему-то раздражать Зотова.

– Я помню, Неверов... Вечно грязный, захолустный и, вообще, какой-то убогий городишко, – рассуждала женщина вслух. – Он, наверное, таким и остался, не так ли?

Жека, не желая поддерживать разговор, промолчал и, тербя шапку, разглядывал ссадины на своих огрубелых руках.

Женщина заметила его нервозность, и на её безразличном лице обозначилось вялое удивление, но тут же, почти мгновенно, оно исчезло с него. Она снова превратилась в обычную, полусонную секретаршу, холодно вззирающую на молчаливого посетителя.

– А что в захолустном Неверове может измениться с той поры?.. Всего и прошло-то, каких-то девять лет, – рассеяно,

словно в пустоту, произнесла секретарша.

Её слова удивили Жеку: «Говорит про Неверов – не самый худший городок в нашей стране, как про захолустье, а сама здесь, в Качкаре, в этой глухомани, окружённой зонами... В дыре, где живут переселенцы, бывшие ээки и разная шваль!»

Жека снова захотел ей возразить, но спазм в глотке не позволил ему – он лишь качнул головой и неожиданно громко прохрипел пересохшей гортанью.

Секретарша вздрогнула, отвернулась от него и снова уставилась в окно. А Зотов вспоминал Неверов, свое детство, их улицу в овраге с речкой Кнутихой, которую ребятня прозвала Вонючкой.

...Временами речка превращалась для местных обитателей и близлежащих предприятий в естественную сточную канализацию и периодически благоухала, то запахами карамели «Дюшес» от стоков кондитерской фабрики, то далеко не такими ароматными запахами от сбросов кожевенного завода.

Вспомнил он и про деревянный мост над речкой, в самом начале улице, под которым, скрываясь от взрослых, курил вместе с другими пацанами охнарики – чужие, брошенные окурки.

Дорога по этой улице вела на зелёный городской базар. Весной и осенью дорога становилась непролазной из-за грязи, и ходить по ней можно было сносно лишь по дощатым

мостовым. Возможно, именно на этих мостовых он и встречал в детстве эту тётку, сидящую теперь в приёмной, тогда ещё молодую и более привлекательную, чем сейчас.

Весной тихая и незаметная Кнутиха уже не пряталась на дне оврага, а поднималась из него, превращаясь на несколько дней в мутную, сварливую речку, и подтапливала окрестности.

Как-то гуляя после уроков, юный Жека забрёл на илистый берег Кнутихи, чтоб испытать свои новые сапожки. И завязнув там, выбирался потом из прибрежной трясины, чуть ли не ползком в своих обновках.

Картина со стороны, наверное, была комической, но только не для Жеки, который, едва не потеряв свои новые сапожки, и возвращался домой весь в грязи с перепачканным портфелем в руках, с трудом волоча ноги по мостовой. Эту забавную для постороннего глаза картину, ещё издали, наблюдала молодая особа в светлом плаще и, нахохотавшись вдоволь над незадачливым Жекой, теперь боязливо сторонилась на мостовой измазанного в грязи мальчишки. А он, приостановившись, только исподлобья посмотрел на её, как ему показалось тогда, красивое лицо с большими серыми глазами, и зашагал дальше...

Вот с той поры красивая, хохочущая женщина в светлом плаще, с легким, бирюзовым платком на белой шее и запомнилась ему, а сейчас, похоже, именно эта женщина сидела за столом в тихой приёмной, в далёком и богом забытом Кач-

каре, где Зотов ожидал какого-то начальника СМУ.

На какой-то миг Зотову показалось, что всё происходящее с ним сейчас есть просто нелепое завихрение его жизни во времени и пространстве или какое-то наваждение, а он всё ещё тот мальчишка из далёкого детства, который уныло бредёт домой по скользкой мостовой в ожидании будущего наказания за вымазанную в грязи одежду.

Зотов очнулся и вернулся в реальность, когда в приёмной появился начальник СМУ – молодой, суховатый на вид мужчина, которого Жека уже видел как-то раз на стройплощадке в Найбе.

Он быстро проследовал в кабинет и вызвал секретаршу. Прошло не так много времени, когда она вернулась от него с папками каких-то бумаг и пригласила Зотова зайти в кабинет.

Начальник СМУ даже не взглянул в сторону Зотова, когда тот вошёл, а продолжал изучать лежащие на столе документы, среди которых была и Жекина телеграмма от родителей.

– Зотов... Найба?! – не поднимая головы, спросил начальник.

– Да, – ответил Жека.

– Неделя на всё – хватит вполне! – коротко бросил он и, не о чём больше его не спрашивая, добавил: – Зайдите к секретарю – она всё оформит.

Он подписал и протянул ему командировочное удостоверение, и Жека едва успел разглядеть его скуластое, худое ли-

цо, первую седину на висках и цепкий взгляд желтоватых глаз.

«Не глаза, а колючки – такими зырить только в тюремный волчок, а на людей смотреть, что репейником швыряться!» – подумал Зотов и вышел из кабинета начальника СМУ.

Секретарша поставила печати на командировочное удостоверение, сделала записи в журнале приказов и в журнале для командировочных лиц, в котором заставила Зотова расписаться, а потом повернулась в его сторону и внимательно на него посмотрела.

Зотову показалось, что она хочет чего-то от него услышать, возможно, каких-то прощальных слов. Но сам Зотов не меньше её нуждался в добрых словах поддержки, так необходимых ему в этот момент.

Однако секретарша замерла с застывшим лицом и молчала, словно что-то выжидая. А Жека ещё раз, почти пристально, посмотрел на неё, засунул документы в карман куртки, шумно выдохнул и, не сказав ни слова, вышел.

Потолкавшись у кассы на железнодорожном вокзале, Жека купил общий билет до Неверова на завтрашний вечерний поезд и успел уехать в Найбу на последнем рейсовом автобусе.

По дороге он старался запомнить названия станций для пересадок, номера поездов и время их отправления. Для Жеки в его молодой жизни это была первая самостоятельная поездка, поэтому он относился к ней серьёзно.

На следующий день он показал бригадиру командировочное удостоверение, которое являлось разрешением на его поездку в Неверов. Паспортов им на руки не выдавали, и Жека имел лишь удостоверение личности с фотографией.

Вечером он собрался и, прихватив с собой этот документ с железнодорожным билетом, отправился в Качкар.

Качкарский вокзальчик, обычно безлюдный днём, вечерами, во время прибытия и отправления, редких для здешних мест поездов, становился тесным и шумным.

В самом вокзале и на перроне появлялись молодые люди блатного вида. Это были, небрежно переодетые в гражданку, солдаты внутренних войск из спецкомендатуры, выискивающие подозрительных лиц. После объявления посадки в вагонах появлялись патрули спецкомендатуры и затем дотошно, до отправления поезда, проверяли документы у отдельных

граждан из числа отъезжающих.

В переполненных общих вагонах ехала пёстрая и говорливая публика, поэтому о чём-то поразмышлять или помечтать Жеки не удавалось. За окнами поезда в темноте мелькали лишь редкие огоньки, а впереди была зимняя ночь и почти двое суток пути.

На станции Кым поезд остановился – народ в вагоне побавился, и Жека, наконец-то, сел на свободное место. Здесь, в Кыму, чуть больше месяца назад, судили его дружков по зоне Санька и Влада, и Жеки не хотелось вспоминать это неприятное событие.

Судьба дружков его волновала, но уже не так остро, как в тот день, когда он получил от них записку из качкарского КПЗ. Жека их просто жалел, но после памятного разговора с Грозиным, должником, а тем более в чём-то виноватым перед ними, себя уже не считал.

Жека вспоминал дни их совместного пребывания на зоне, которые могли бы сейчас хоть как-то согреть душу, придать ему новые, жизненные силы, но не находил таких дней.

В тот период Зотов переписывался с родными и одноклассниками, которые служили в группе советских войск на территории ГДР. А в один из дней он набрался храбрости и написал первое письмо Вере Капитоновой, девушке из их школы, в которую был тайно влюблён.

Вера приехала с родителями в Неверов из другого города и проучилась с Зотовым до выпускного класса два года.

Раньше он хорошо успевал почти по всем предметам, но эти два года отучился в школе без прежнего интереса и рвения в учебе. Желание учиться куда-то пропало. Что-то в нём надломилось в этом непростом возрасте; у него до сих пор не появилось определённой цели в жизни и даже юношеская любовь к однокласснице, вспыхнувшая так неожиданно в последний год учебы, не смогла помочь ему в поисках своего будущего, а романтические мечтания лишь уводили юного Зотова в неведомые края.

Хрупкое чувство ещё только робко прорастало в первую любовь, которую он не мог до конца осознанно прочувствовать, а тем более как-то выразить и поэтому скрывал свои чувства, порою страдая от этого. А сейчас, когда их разделяло пространство и его несвобода, Жека написал ей письмо, надеясь наладить, таким образом, отношения с Верой, которых в прошлой жизни у него просто не существовало.

Многим в их классе Вера казалась лучшей девушкой и в неё, наверное, были влюблены почти все мальчишки-одноклассники. Некоторые из них её выделяли и оказывали дружеские знаки внимания, другие, напротив, притворялись, держались по отношению к ней ровно и даже несколько равнодушно.

Линия поведения Жеки по отношению к Вере Капитоновой была своеобразной и непредсказуемой, а иногда даже переменчивой в течение одного дня. Но за его маской шутника и остролова скрывались глубокие и искренние чувства, ко-

торые он таил от неё, делясь сокровенным лишь с Андрюхой Истоминым – своим лучшим другом.

Умница Вера, как наблюдательная и душевная девушка, что-то в нём замечала, о чём-то догадывалась, но всё-таки считала его немного странным и дружила, на зависть многим, с парнем совсем из другой школы.

Тот день, когда Жека получил письмо от Веры, стал для него первым днем, наполненным пусть тихой, но настоящей радостью за всё время, проведённое в неволи. Так началась их непродолжительная переписка – обычная для двух ещё юных людей, у которых короткое прошлое в их судьбах отдалялось, и наступала пора взросления. И в этой переписке не нашлось места даже для какого-нибудь намёка на их взаимные чувства.

Однажды Жека обратил внимание на зачеркивания в конце Вериного письма и попытался в них разобраться, а разобравшись, сумел прочесть неразборчивую из-за множества зачеркиваний фразу: «Всегда твоя, Вера».

Жека поразился и не поверил своим глазам, но после тщательного изучения перечёркнутого текста убедился в том, что это именно так, а не что-то другое.

– Всегда твоя... Вера... – шептали его губы такие простые и бесконечно дорогие для него слова.

Весь остаток того дня Жека находился в упоении от любви и, очутившись в её сладком плену, ещё несколько дней, последовавших за этим радостным для себя открытием, пе-

ревыполнял в промзоне все нормы выработки на строительных работах.

Цензура переписки осуждённых, существующая в колонии, исключала всякую её приватность, особую откровенность в ней и тем более интимность – чем меньше слов, тем лучше!.. Правда, между друзьями чтение своей переписки до и после цензуры процветало и чем-то зазорным уже не считалось.

Зотов иногда показывал письма другу Саньке. Он был старше на десять лет, к тому же имел опыт семейной жизни.

– В своей Неверов милой Вере письмецо я настрочу, – подшучивал над ним Санька чуть ли не стихами. – Пиши, пиши... Здравсьте, Маша с Уралмаша, пишет вам влюблённый Паша!

Прочитав последнее письмо к Вере, он остался чем-то недовольный и выразился по поводу его содержания довольно резко:

– Жека, ты чего сопли жуёшь, а?.. Ты мужик или кто?!.. Нравится деваха – так и пиши... И нечего кругами ходить!

Жека воспринял критику своего друга и переписал письмо заново. Что он там насочинял, сейчас Зотов припомнить в подробностях уже не мог. Но вскоре получил короткое ответное письмо Веры, где она извинялась перед ним и сообщала, что писать ему в дальнейшем больше не будет. Причин никаких в письме указано не было, но Жека посчитал, что он, наверное, сморозил какую-то глупость в своём послед-

нем письме и чем-то, видимо, обидел Веру.

На этом их переписка оборвалась, и для Зотова это был удар, но судьба у него складывалась так, что к ударам и прочим её крутым изгибам Жека начал уже привыкать.

Зотов вырослел и драматические события в его судьбе только ускорили этот процесс. А его чувства к Вере не были простой влюблённостью – они были гораздо глубже и этим чувствам предстояли ещё новые испытания. Но взрослеющий Зотов продолжал оставаться в душе неопытным мальчишкой Жекой и всё ещё надеялся, что будущая встреча с Верой Капитоновой принесёт ему что-то необычное и его жизнь наполнится необходимым смыслом, которого так в ней не хватало.

От вокзала в Неверове до родительского дома он не просто шёл, а летел, словно на крыльях, паря над сугробами заснеженных улиц... И Жека, запрокинув голову, со сладостью вдыхал морозный воздух и оглядывал пятиэтажки, похожие на настоящие небоскрёбы после приземистой и бревенчатой Найбы.

Радость встречи с родными прошла, а утром, оставшись дома один, Зотов загрустил от возникшего чувства одиночества, которое потихоньку закрадывалось в его душу. Чтоб поскорее вырваться из паутины неожиданной меланхолии, он позвонил Валерке, старому приятелю по школе, который жил неподалёку. Валерка обрадовался его звонку и успел сообщить ему некоторые новости из жизни их общих знакомых. Они договорились встретиться, а после этого Жека отправился на вокзал, чтоб купить билет на обратную дорогу.

С вокзала Жека возвращался пешком через пустынные в это время дворы и в одном из них столкнулся лицом к лицу с девушкой. Ей оказалась Лена, младшая сестра его друга Андрея Истомина, с которым они переписывались до самого лета.

Шёл 1968 год и в социалистической Чехословакии происходили известные события. Андрей служил в группе советских войск в восточной Германии и в своём последнем письме намекнул ему, что по определённым обстоятельствам прерывает их переписку на некоторое время и просил не беспокоиться по этому поводу.

Политика в то время Жеку не занимала, а отголоски мировых политических событий того лета едва доносились до них. Осуждённые жили в зоне, а это был другой мир, где

новостями геополитики большинство из них, грубо говоря, интересовалось по большой нужде в местах общего пользования и чаще всего по газетным обрывкам.

Зотов был готов к паузе в их переписке, поскольку осенью ему предстояло покинуть зону и сменить уже обжитой лагерный барак на условную свободу, и отбывать остаток срока на стройках народного хозяйства. Жека не знал только точного адреса своего будущего местонахождения. Он написал Андрею об этом и предложил поддерживать отношения, пока всё утрясётся, через своих родных.

Ленка ещё недавно нескладная, худенькая и голенастая девчонка превратилась с той поры в стройную, интересную девушку, которая стояла перед ним и застенчиво улыбалась.

– Привет, невеста! – произнёс удивлённый Зотов.

– Здравствуй, Женя, – всё ещё смущаясь, проговорила Лена.

Зотов уже отвык от своего имени, поэтому оно прозвучало из уст девушки не только неожиданно для него, а даже чуточку нежно. Зотов сразу спросил её о брате, так как ни сам, ни от своих родителей ничего о нём не знал с той поры, когда получил от Андрея последнее письмо.

Лицо Ленки сделалось грустным и, похоже, она была готова расплакаться. Лена отвернулась от него, поправляя платок, и тихо сказала:

– Он пропал...

– Как пропал?! – переспросил ничего не понимающий Зо-

тов.

– Мы не получали от него писем больше трех месяцев. И папа написал начальнику их части, – сказала Лена, смахивая слезы. – А потом оттуда пришло письмо и ещё в тот же день повестка из комитета...

– Что такое?.. Какой комитет?! – недоумевал Зотов.

– Государственной безопасности... есть такой в городе, – ответила Лена.

– Что с Андреем?.. Что случилось?! – заволновался Зотов, чувствуя неладное.

– Он самовольно покинул расположение части, – почти заученно произнесла Лена. – Он в розыске... Он пропал, и его будет судить трибунал.

Опешивший Зотов и грустная Ленка замолчали одновременно, и хотя Зотов ещё не знал всех подробностей происшедшего с его другом, но чутьё подсказывало ему, что эта беда и беда большая.

– Да, очень жаль... – нарушив молчание, произнёс Зотов с тоской в голосе. – Я думал, что один такой – выходит, нет... Андрюха в переплёт ещё похлеще попал!

– Мы об этом никому не говорим, – сказала Лена. – Пока ничего ещё неясно!

Зотов промолчал, словно соглашаясь с ней, а затем заговорил о себе:

– А я в Неверов на несколько дней – родителей повидать... Вот билет обратный на поезд купил, – и чтоб предупредить

её возможный вопрос о том, каким образом он очутился на свободе, произнёс скороговоркой. – Освободили условно и направили на стройки народного хозяйства. Попал в глухомань, работаю бетонщиком... Не сорвусь – в будущем году вернусь домой... Вот такие дела!

Ленка улыбнулась, её карие глаза заблестели, и она сказала негромким, но твердым голосом:

– Ты не срывайся, не срывайся – и всё... А мы вас с Андреем ждать будем.

Зотов лишь улыбнулся ей в ответ, а затем попрощался, осторожно пожав её теплую, нежную ладошку и, проводив взглядом, пошёл своей дорогой. Для себя он уже решил, что ни Валерке, ни кому другому рассказывать о том, что случилось с Андреем, не станет.

Разные мысли и чувства нахлынули на него, после этой встречи, но даже известие о том, что случилось с его лучшим другом, не заслонило для него самого главного – будущей встречи с Верой Капитоновой, ради которой он вырвался из далёкой Найбы.

Вечером он зашёл домой к Валерке, они переговорили и тот предложил встретиться с ещё одним бывшим однокашником.

Большинство их общих друзей и знакомых были студентами, и у них наступила очередная зачётная сессия, а меньшинство служило в армии в разных краях нашей большой страны и за её пределами, однако и те и другие оказались

нынче недоступными...

Кто-то успел жениться и даже готовился стать папой. Вот к такому будущему папе Валерка и предложил заглянуть сегодня по дороге к Вере. Будущего папу звали Олегом, и он служил в далёком Забайкальском военном округе.

Неожиданная история с Андреем не выходила у Зотова из головы. Но в гостях у Олега он отвлётся от грустных мыслей и во время беседы, особо не задумываясь, спросил у него:

– Как сумел, Олешка, домой свалить да ещё к таким событиям?!

По лицу однокашника пробежала тень загадочной улыбки... И Зотов интуитивно почувствовал его настороженность, однако Олег, пытаясь сохранить веселость и неприужденность, проговорил со смехом:

– Послушай, Жека... Если уж вашего брата отпускают домой, то мы-то чем хуже, а?!.. Вот меня и отпустили на побывку по такому случаю.

Не каждый день случается такое, что должно было произойти вскоре с Олегом, и они выпили ещё от всей души за будущее пополнение его семейства, но не так уж крепко...

Если встреча с Олегом проходила пусть в небольшой, но уютной квартирке его родителей, то встреча с Верой Капитоновой произошла на лестничной площадке в подъезде её дома. И в этом не было ничего необычного, чего-то предосудительного, а тем более унижительного – многие молодые люди проводили своё время, встречаясь во дворах, подворотнях, подъездах и в других, ещё менее приспособленных, местах. Встреча с Верой ничем в этом смысле не отличалась и состоялась именно в таких условиях, но вчерашних одноклассников это ничуть не смущало.

Она вышла к ним в тёплом, жёлтеньком с цветочками халатике и поздоровалась, слегка улыбнувшись. Сразу же извинилась за то, что не сможет уделить им много времени, так как готовится к зачётам в институте. Потом, поёжившись от холода, вернулась в квартиру и появилась вновь, уже накинув на плечи пуховый платок.

Разговор начал Зотов, и это не показалось неожиданным ни Валерке, ни Вере, поскольку рассказать ему было о чём, и он, как не крути, а в этой ситуации являлся не только загадочной фигурой, после происшедших с ним событий, но ещё и самым заинтересованным лицом в том, чтоб эта беседа состоялась. Валерка вступал в разговор редко, а потом, сославшись на что-то, деликатно исчез, оставив их одних.

Вера слушала, прислонившись к дверному косяку, и внимательно на него смотрела, изучая теперешнего Жеку Зотова, наверное, уже не такого, каким она помнила его по школе и в какой-то момент задумчиво произнесла:

– А ты, Женя, повзрослел...

Зотов растерялся на миг и, отвернувшись, заметил по-философски:

– Все мы повзрослели...

Они замолчали, а в это время приоткрылась дверь и в неё просунулась головка с кудряшками – там появилась красивая девочка, видимо, младшая сестра Веры. Она покрутила своей головкой по сторонам и что-то пролепетала. Жека, погруженный в раздумья, почти ничего не расслышал.

Очнулся он лишь тогда, когда раздался голос Веры. Она спросила его об Андрее, ещё о ком-то из их общих знакомых. Жека отвечал ей торопливо, почти машинально, поскольку сам собирался задать ей вопрос, давно его терзающий, но Вера опередила Зотова. Она попыталась объяснить ему, почему прервалась их переписка и что, прекратив писать, она поступила правильно – так будет честнее и лучше для их обоих.

Зотов слушал её, не возражая, упёршись взглядом в соседнюю дверь. Он повернулся к ней лишь тогда, когда что-то скрипнуло, и в дверном проёме, за спиной Веры, появилась молодая женщина со слегка недовольным выражением лица. Она быстро поздоровалась с Зотовым, почти не глядя в его сторону.

– А здесь холодно, – сказала женщина строгим голосом. – Вера, ты не замерзла? – и, не дождавшись ответа, раздражённо добавила. – Непременно замерзнешь!.. А на носу сессия. Попрощайся с молодым человеком – и заходи!.. Пора уже к зачётам готовиться.

Женщина, а эта была Верина мать, исчезла, и они ещё какое-то время молчаливо стояли друг против друга, и Жека, по-прежнему, смотрел в сторону, словно боялся что-то увидеть в Вериних глазах.

– Жень, ты хороший парень, но у меня есть Алёша, – сказала Вера, нарушив тягостное молчание. – Алёша... Алексей близкий мне человек. Не пойми в плохом смысле этого слова...

Вера говорила серьёзно и её слова звучали для Жеки как-то необычно, почти по-взрослому. Он посмотрел на девушку, словно хотел в чём-то убедиться и увидел её красивое лицо с умными, серо-зелёными глазами.

Эти глаза, похоже, не лгали: они не были равнодушными, а казались ему предупредительно-спокойными, и могли, наверное, ласково засветиться по воли их хозяйки, дарю ему надежду, но сейчас Жека различал в них лишь внимательность и даже некую настороженность.

И Жека понял, что разговор их закончен: приговор уже оглашён и последнее слово осталось за ним... В тот момент его лицо выражало и замешательство, и досаду, но он, изобразив подобие вежливой улыбки, собрался и проговорил глу-

хим, осипшим от волнения голосом:

– Мне всё ясно... Что ж, не буду отвлекать... Учись!

Наступила тишина, в которой послышался Верин вздох. Жека повернулся к ней и заметил, как на её лице промелькнула улыбка. Такая улыбка облегчения возникает у людей обычно после не совсем приятного, но необходимого разговора, в результате которого кто-то всегда остается чуточку обиженным или чем-то обделённым.

Они попрощались, и Вера скрылась за дверью. Зотов не спеша спустился вниз и вышел во двор. Там его поджидал Валерка. Он невозмутимо молчал и, как старый школьный приятель, лишних вопросов не задавал.

Жеке было безразлично, что у Веры есть какой-то Алексей, близкий для неё человек и неважно в каком смысле этого слова... А всё то, что сейчас с ним случилось, он, как боксер в нокауте, просто не мог до конца переосмыслить, получив очередной удар судьбы, и ещё плохо понимал, что произошло на самом деле.

И только на следующий день Зотов осознал свое печальное положение: вчера его удалили с поля, как провинившегося футболиста, а это означало, что теперь по правилам игры и скамейка запасных, и даже трибуна стадиона имени Веры Капитоновой стали для него недоступными... Такова спортивная жизнь! Это расхожее выражение вертелось у него в голове, но перед ним всё ещё оставалась открытой огромная и самая главная арена под названием Жизнь!.. Од-

нако на этой арене он уже успел схватиться с самой судьбой, которой так беспечно дал фору, и она после вчерашнего события только увеличилась.

Жека почувствовал в себе какую-то пустоту, потерю чего-то важного в своей жизни и эта пустота, овладев им, наполнилась гнетущей тоской. А тоска, будто глыба, огромная и тяжёлая, придавила и не отпускала его из-под себя. Зотов, раздавленный её, ничего не желал и никуда не хотел идти.

С утра он залёг на диван и предался своим грустным размышлениям. Он вспомнил, как в десятом классе, перед женским праздником, взял у матери из набора флакончик духов и решил, что подарит его в этот день Вере Капитоновой.

...Обычно перед этим праздником ребята в их классе скидывались и покупали для своих одноклассниц простенькие, непритязательные и одинаковые для всех подарки. А кто-то по собственной инициативе дарил персональные подарки некоторым девчонкам, которые казались им более симпатичными, чем остальные. И Вера Капитонова в тот день была вне конкуренции! Почти все персональные подарки, какие ребята тогда дарили, достались именно ей.

Жека поглядывал в сторону Веры, наблюдая за церемониями подношений, предназначенных ей подарков, и только крепче сжимал в кармане флакончик духов, не решаясь его подарить. Не хватило ему решимости и на переменах, и после занятий. Так прошёл день, в конце которого Жека проклинал себя в душе за собственное бессилие...

А сейчас, когда он вспомнил, как вчера также сжимал в кармане пальто оригинальную матрёшку, которую собирался подарить Вере, но так и не подарил, то стал себе до того противен, что почти застонал от злости... Он отправился в прихожую, где порывшись в карманах пальто, достал пачку сигарет и ту самую матрёшку, теперь такую ненавистную, как и он сам себе.

Матрёшка представляла собой краснощёкого попкаря с автоматом «Калашникова» в руках, с шапкой-ушанкой на голове и в белом полушубке с красными погонами внутренних войск.

Совсем недавно эта игрушка казалась Зотову забавной и смешной, а сейчас Жека сжимал матрёшку-попкаря жилистой рукой и был готов раздавить её, уничтожить... Но игрушка не поддавалась и Жека от отчаяния швырнул её с протяжным воплем. Она ударилась об стенку, треснула от удара и разлетелась по комнате.

Он постоял какое-то время, размышляя, а потом закурил. После перекура Жека успокоился и начал собирать разлетевшуюся на части матрёшку. Попкарь раскололся на три части, а вот все остальные матрёшки, поменьше, уцелели. Внутри краснощёкого попкаря находился тюремный охранник в чёрном полушубке с синими милицейскими погонами и со связкой ключей в руках.

Жека повертел охранника, разглядывая его и соображая, как ему следует с ним поступить: попытаться раздавить или

разбить об стену... И тут он обратил внимание: связка ключей у перевернутого охранника, если присмотреться, превращалась в буквы и отчетливо читалась как аббревиатура его родной страны. Жеку удивила больше не сама надпись, а что он не сумел ещё раньше разгадать этот фокус со связкой ключей.

– Идиот! – произнёс он, имею в виду себя, а не матрёшку в виде охранника с усами, как у известного исторического тирана. – А ещё хотел подарить этого истукана с такой надписью...

Он пошёл в ванную комнату и, достав молоток, расколол там попкаря и всех уцелевших матрёшек на мелкие части, обернул всё это газетой и выкинул в мусорное ведро.

Остаток краткосрочного отпуска Жека провёл на диване с тоскующим видом, и только необходимость обязательного возвращения в Найбу вывела его из этой душевной комы.

Мать почуяла сердцем, что с Жекой случилась, если не любовная трагедия, то уж наверняка печальная история неразделённой любви. И хотя она знала о существовании такой девушки, как Вера Капитонова, но могла только предполагать, кто является причиной его несчастной любви. И поглядывая на расстроенного сына, не выдержала и сказала:

– Она, сынок, для тебя не подходит... – и, продолжая заниматься своими делами, говорила уже из другой комнаты. – Тебе нужна простая и добрая девушка...

Жека, обычно резкий с домашними, даже не отреагировал

на её слова и промолчал. После всего, что с ним произошло в эти дни, он желал только одного – поскорее уехать в Найбу.

Теперь ему, как и той секретарше из качкарского СМУ, Неверов казался убогим городишкой, где его преследовали одни неудачи и разочарования.

Когда Зотов ехал в Неверов, то спал мало, урывками, а молодой организм, ещё полный сил, достаточно легко переносил все дорожные тяготы. Приподнятость духа и романтические чувства, влекущие его к Вере Капитоновой, вселяя в него надежды, только прибавляли ему сил и бодрости.

На обратном пути в Найбу он был уже другим, хотя не скис и не выглядел совсем уж опечаленным. Душевная боль не проходила так быстро, как хотелось Зотову, а бессонные ночи повлияли на самочувствие, поэтому он решил лечиться сном, чтоб избавиться от терзающего любовного недуга, и, завалившись на верхнюю полку, спал до первой пересадки.

...Перед пробуждением ему снился сон, будто он, блуждая среди огромных зданий в незнакомом городе, напоминающим лабиринт, неожиданно очутился в странном подземелье. И не просто в подземелье, а в мавзолее вождя мирового пролетариата!.. И там, на гранитной лестнице, медленно понимаясь по ступенькам, взирал с высоты на застеклённый постамент с мумией вождя, стараясь как можно лучше разглядеть образ самого человеческого из людей.

Но вдруг он услышал позади себя негромкий, но властный окрик: «Руки за спину!.. Быстрее... Кому говорят?!.. И быстрее проходи... Быстрее!»

Такой же голос был у тюремного надзирателя, по прозвищу Секач... И Жека, чуть не споткнувшись, обернулся на этот голос, но увидел в полумраке не Секача, которого хорошо запомнил по следственной тюрьме, а неподвижного, как манекен, мужчину в военном мундире, с фуражкой на голове и с каким-то желтовато-восковым лицом.

Зотов стал всматриваться в него, словно пытаясь понять происшедшую с Секачом метаморфозу, но бесстрастное, восковое лицо манекена начало медленно таять и расплываться, превращаясь в череп с пустыми глазницами. От страха Жека схватился за свою голову и, как бывает во сне, закричал, не слыша собственного голоса, от охватившего его ужаса, и через мгновение проснулся...

– Что... что, паря, случилось, а? – раздался снизу чей-то старческий голос.

– Да... Дурь просто снилась! – ещё плохо соображая, ответил Зотов и посмотрел на часы – приближалось время первой пересадки.

– Откуда путь держишь, сынок? – спросил старик.

– Из Неверова, – ответил Жека старику и спустился с верхней полки.

– Из Неверова?! – с удивлением произнёс старик и, причмокивая губами, сказал. – Чудно!.. Сколько живу, а не слышивал, брат, про ваш город.

Жека молчал и думал о своём. А старик оказался словоохотливым и продолжал говорить:

– Их нынче, как грибов по осени, этих городов всяких... Чудно!.. А я вот к сыну в Правдинск еду... Ты из Неверова, а я в Правдинск... Чудно, брат, чудно!

Старик замолчал на время, а потом негромко и обиженно произнёс, словно обращаясь к неведомому собеседнику:

– Сосут бедную деревню... ещё как сосут!.. Помрёт ведь... что делать будем, а?!

Поезд прибыл по расписанию. Зотов прокомпостировал билет в кассе вокзала, пересел на межобластной поезд и продолжил свой путь.

Уже светлело... За окнами вагона, из предрассветных сумерек, потянулись бесконечные, надоедливые картины безликого зимнего пейзажа. От него веяло тоской и безысходностью. Зотов отвернулся и, закрыв глаза, чтоб не портить настроение унылым видом из окна, вспоминал, улыбаясь, свой сон.

Сновидения посещали его редко – он их не запоминал, не коллекционировал и тем более не верил в них. Но этот утренний, почти анекдотичный сон был соткан из образов его реальной жизни, которые хранила молодая память Зотова.

Тогда он только смутно догадывался, что именно из таких запоминающихся образов, как из булыжников, будет вымощена его жизненная дорога и человеческая судьба. А в такой огромной стране, как наша родина, все дороги вели, ведут

и будут вести ещё многих и многих через её белокаменную и златоглавую столицу!

Зотов задумался, вспоминая свою первую и единственную поездку в столицу нашей родины. Ту поездку он заслужил, как награду, за успехи в кружковой работе городской станции юных техников, и произошло это летом, после окончания восьмого класса.

У Жеки, как у большинства его сверстников из провинциального Неверова, образ столицы формировался, прежде всего, по кинофильмам, в которых Москва являлась составной частью кинопроизведения, либо служила основным фоном для развития сюжета. И кинохроника, которая обычно шла перед киносеансами, часто дополняла этот образ современными видами столицы, поскольку только там происходили самые важные и главные события страны.

Зотов рос не домашним подростком – его жизнь проходила в подворотнях, рискованных забавах и дворовых разборках, где юность была короткой и суровой. И поездка в столицу стала для него не просто радостным и увлекательным путешествием, а чем-то вроде увертюры перед вступлением в новую, ещё незнакомую взрослую жизнь. Образ столицы рисовался ему светлыми красками, в возвышенных и даже романтических тонах.

...Столица его удивила, поразила, в чём-то разочаровала, но светлый её образ, если и поблёк, то не настолько, чтоб считать Москву просто большой деревней и не заметить её

величавой красоты, и не почувствовать её исторического духа и значения. И если на старинных, живописных полотнах со временем появляются мелкие, как тончайшая паутинка, трещинки, которые свидетельствуют о подлинности этих картин, то в человеческом сознании идеальные образы рано или поздно покрываются трещинами реальности, которые эти образы чаще всего деформируют и даже их разрушают.

На Красной площади Жека увидел обычные окурки, резанул его слух, услышанный там же отборный мат, и крысята, нагло выползающие вечерними сумерками на брусчатку, рядом с мавзолеем, не улучшили картину первого дня пребывания в столице... И старый московский пидор, навязчивый и противный, который клеился к приезжим юношам вечером у гостиницы, и даже клопы в той задрипанной гостинице, где он жил – все эти приметные мелочи из реальной столичной жизни превращались именно в такие трещинки на её светлом, картинном облике.

И как бы не были противны Жеке крысы, и как бы человечество от них не отреклось, но они всё-таки являлись ближайшими ему биологическими сородичами. И крысы, как он уже знал, выживают всегда, и везде.

О пидорах Жека много не размышлял, полагая, что искоренить их человечеству будет гораздо проще, чем избавиться от хвостатых сородичей. Однако проблема заключалась не только в столичных пидорах, крысах или клопах. Вместе с такими трещинками реальности таял и куда-то испарялся

белоснежный покров почти идеального образа столицы. Поэтому у него, как у многих ещё незрелых людей, появлялось неверие в её светлый и непорочный облик. И отсюда возникало ощущение фальши в высоких, благородных призывах, которые разносились из столицы по городам и весям... А народу в неё приезжало немало, из разных краев и по всяким делам.

В гостинице Жека несколько раз становился свидетелем стычек и даже драк между выходцами из наших южных республик, что для него было зрелищем непривычным и несколько неожиданным.

Если в холле и на этажах кто-то выяснял межличностные и межнациональные проблемы с помощью мордобоя, то поздними вечерами, за гостиницей, в зарослях черемухи, к тому времени уже не такой душистой, слышались сладостные стоны во время смычки разнополых особей, представляющих разные народы нашей необъятной родины.

Жека познакомился с ребятами из западной Украины, а они, видимо, от скуки отслеживали каждый вечер молодую и темпераментную особу, которая сопровождала их в той поездке в Москву. Эта дама редко меняла диспозицию для любовных утех в этих зарослях, но зато, как подмечали ребята, круг её почитателей с каждым днём расширялся за счет новых представителей из разных республик.

За гостиницей, через дорогу, за железной изгородью и густым кустарником открывался невзрачный вид. В середи-

не этой плачевной картины стоял старый храм с обветшалыми монастырскими постройками, за которыми начинался погост, превратившийся со временем в обычное городское кладбище, неухоженное на вид и, видимо, уже не функционирующее... Вдоль изгороди тянулась забытая траншея с отвалами щербатого от трещин глинозёма, где местами уже прорастала сорная трава.

Для Жеки не было ничего удивительного в этом неприглядном пейзаже, наоборот, всё это напоминало ему далёкий и такой знакомый Неверов... А где-то совсем рядом жила другая Москва. И стоило Жеке немного приподнять голову и отвести свой взгляд в сторону, как перед ним представал уже совершенно иной, блистательный вид, где над красотами архитектуры и прочими достижениями народного хозяйства возвышался, сверкающий на солнце, грандиозный монумент с устремленной в космос ракетой.

Но даже стотысячная чаша стадиона имени вождя мирового пролетариата, заполненная доверху человеческим людом, которая шумела и бурлила страстями во время футбольного матча, только на мгновения становилась для него душой этого города и никак не хотела превращаться в душу всей огромной страны.

И в голове юного Зотова, исподволь и незаметно, зарождалась другая страна и, наверное, именно в то жаркое лето, в белокаменной и златоглавой столице, возникла и прошла через его подсознание незримая граница уже новой стра-

ны... И страна эта называлась страной Неверия.

Быстро пролетели в столице ясные и тёплые дни, наполненные событиями и впечатлениями. Обратный путь домой показался им, немного подуставшим, уже длинным и утомительным.

Утром, расположившись на боковой полке плацкартного вагона, полусонный Жека обратил внимание на женщину с верхней полки, которую он ещё вчера мысленно прозвал Миледи.

Это была молодая блондинка с ярко-светлыми, слегка расчёпанными после сна волосами и чуть припухлыми морковными губами. Она, поправляя плавными движениями серебристо-атласный бюстгальтер на высокой, полной груди, не спеша надевала на стройное тело светлую блузку, а после медленно застегивала на ней пуговицы. И всё это время она неотрывно и пристально смотрела на него своими вишнёвыми глазами.

Жека загляделся на полуобнажённое тело Миледи, на её вишнёвые, бездонные глаза, в которых не различались зрачки, но которые притягивали его и влекли своей загадочностью.

И тогда он ощутил, как что-то сдавило ему грудь, заставив учащённо биться сердце, и вместе с этим, доселе неведомым, тревожно-щемящим чувством, в нём пробудилась эта самая страна Неверия, которая теперь росла и крепла с каждым днём...

Вскоре появился супруг Миледи – полноватый мужчина средних лет с сединой на висках, прибывавший до этого в туалете. Плодово-ягодная Миледи оторвала свой далеко не травоядный взгляд от Жеки, и, вяло улыбнувшись, сказала что-то ласковое своему лысеющему Атосу...

А сейчас Жека удивлялся непонятной избирательности собственной памяти, вспоминая эпизоды той единственной поездки в столицу и, устав от поисков чего-то исключительно цельного в своей прошлой жизни, теперь просто взирал на однообразную картину за окном.

Впереди его ожидала ещё одна пересадка, но уже на местный поезд, на котором ему предстояло ехать до Качкара.

Из Качкара в Найбу Жека добирался последним автобусом.

Народу в нём набралось немного и в полупустом салоне было тихо. Только девушки, сидевшие сзади Жеки, всю дорогу до посёлка что-то оживлённо обсуждали, часто прерывая разговор дружным смехом.

Жека угрюмо поглядывал в их сторону, но лица девушек в полутьме не различались и, смешиваясь, превращались в безликую, но веселую и беззаботную компанию. Настроение у Зотова, после неудачной поездки в Неверов, было паршивым, а громкий, залиvistый смех девчонок лишь его раздражал.

Когда автобус прибыл на место, шумная компания, разом притихнув, покинула его и разбрелась. Жека направился от центра посёлка в сторону, где на возвышенности притаилось его жилище, слившись с темнеющим лесом

Найба, уже безлюдная, укутанная снегом и потонувшая в ночи, засыпала в безмятежном лунном свете. Кругом устоялась тишина, только звонкий хруст снега под ногами Жеки да редкий лай с завыванием собак нарушали, казалось, вечный покой глухого края.

И сейчас, после утомительной дороги, вокзальной сутолоки больших городов и неизбежной пресыщенности чело-

веческими лицами, в этой необычной тишине безбрежного и почти фантастического покоя у него возникало ощущение, будто он попал на неведомую планету. И если б не Луна, его единственная небесная спутница, не напоминала ему своим присутствием, что он всё-таки шагает по занесённой снегом земле, то Жека мог вообразить себя одиноким путником, бредущим по чужой планете.

На следующий день Жека почитывал книгу, лежа на кровати. Когда он услышал чей-то свист рядом с домом, то подошёл к окну и посмотрел сначала на термометр, а потом в сторону ворот – там появилась знакомая фигура Грозина.

– Ты куда в такой мороз? – уже в доме спросил Жека, глядя на покрасневшее лицо Грозина.

– Мимо проходил – подумал, может, вернулся... Так оно и вышло! – ответил Грозин. – А собрался на почту – пойдёшь за компанию?

Жена Грозина писала ему в Найбу пространные и обстоятельные письма до востребования, которые он ждал и читал их с удовольствием, правда, сам писал ей короткие весточки, но зато достаточно регулярно.

Вскоре они отправились вместе в центр Найбы, где в двухэтажном деревянном доме размещалось местное отделение связи. Мороз не отступал, а только крепчал, перехватывая дыхание, поэтому по дороге они толком не разговаривали.

Но в этот раз Грозину ничего на почте не полагалось, и он,

не получив ожидаемого письма от жены, слегка расстроился, но быстро справился с чувством разочарования и спросил у Жеки:

– Ну, как съездил? – и добавил шутливо, зная, зачем Жека так рвался домой. – На щите или под щитом?

– Да, знаешь, в общем, так себе... – замялся Жека.

– Понятно... Есть проблемы с голосом! – сказал повеселевший Грозин, получив столь уклончивый ответ, и предложил зайти в кафе, а по дороге, как выразился он, прихватить что-нибудь для укрепления голосовых связок.

В почти безлюдном кафе они расположились посередке зала, где было поуютней, и не так сквозило из входного тамбура, когда кто-то сюда заглядывал.

Недалеко от них, через столик, рядом с большой кадкой, в которой рос раскидистый фикус, сидела уже изрядно захмелевшая тунеядка неопределенного возраста, которых в Найбе чаще именовали не иначе, как тунеблядками. Компанию ей составлял невзрачный тип, который вскоре куда-то исчез, а оставшаяся в одиночестве тунеядка, приуныв, попыталась несколько раз затянуть какую-то оперную арию, но все её попытки заканчивались безуспешно в самом начале, то ли от слабости вокала любительницы пения, то ли от потери памяти.

Устав от неудач, тунеядка совсем затосковала, а затем мирно закемарилась под фикусом.

В кафе наступила тишина, и стало слышно, как из радио-

точки у буфетчицы полилась мелодия уже популярной песни.

Певица пела печальным голосом: «На тебе сошёлся клином белый свет, на тебе сошёлся клином белый свет...»

Грозин с Жекой пили промёрзшую полынную водку. В стаканах от горькой и зелёной жидкости шёл пар.

– Клин клином вышибают, – глубокомысленно изрёк Грозин, глядя на парок, идущий от водки. И Жека понял, что этот вечный рецепт от Грозина, относится к неудачному финалу его любовной истории.

– Может, Серёга, ты и прав – надо забыть... Забыть, что было! – согласился Жека и поднял стакан с водкой.

– За тех, кто в море! – произнёс Грозин свой универсальный тост на все случаи жизни и они чокнулись.

Грозин с Жекой засиделись... Кто-то из редких знакомых подходил к ним, присаживался поговорить и выпить за компанию.

За большими окнами кафе смеркалось, когда к столику, за которым они расположились, подошёл земляк Грозина, такой же зэк-условник из их этапа, по кличке Харя.

Вряд ли кто решился бы утверждать, что эта неблагозвучная кличка в действительности отражала особенности физиономии этого молодого человека. А появилась эта кличка у него в детстве и, как иногда происходит в таких случаях, от довольно редкой фамилии Харин. И с той поры крепко за ним зацепилась, и на то, наверное, нашлись свои причи-

ны. А его лицо без видимых изъянов, с глубоко посаженными и довольно живыми чёрными глазами, ничем не выделялось среди прочих обычных лиц.

Назвать Харина красавцем или симпатягой язык не поворачивался, однако сама кличка заставляла тех, кто слышал её впервые, более заинтересованно всматриваться в физиономию её обладателя. И каждый наверняка мог при этом обнаружить в лице Харина что-то особенное на свой взгляд.

В найбинском этапе оказались разные люди. Многие из них не помышляли здесь добросовестно трудиться, и для них условное освобождение, по сути, явилось краткосрочной командировкой на свободу, где они желали себе лишь удовольствий: вволю попьанствовать, оттянуться, как ныне говорят, от всей души, хотя последнее слово не совсем тут уместно. А далее следовало принудительное возвращение на зону, где таким любителям сладкой жизни приходилось досиживать свой срок, но уже с бонусом в виде прибавки за использованную не по назначению командировку на волю.

Многим, как друзьям Жеки, это временное пребывание на свободе обошлось гораздо дороже – они, образно говоря, раскрутились, совершив уже другие преступления, и заработали за них новые и более суровые наказания.

Харя не утруждал себя работой на благо народного хозяйства страны, лишь изредка появляясь на стройке, а потом куда-то словно испарялся... Да и в самой Найбе Харин появлялся нечасто и, судя по всему, болтался сейчас на воле,

как дерьмо в проруби, между загульной бестолковкой и неизбежным возвратом на зону.

Характер у него был скверный, пакостный, а по пьянке просто дурной. И если в зоне Харин ещё мог надеяться на своих непутёвых дружков, внушая кому-то страх, то здесь, в Найбе, его не столько боялись, сколько не хотели с ним связываться из-за присущей ему наглости и пьяной дурри.

Харин присел, поздоровавшись с Грозиным, потом долго и пристально смотрел на Жеку, а затем бросил в его сторону:
– Отвали!

Выглядел Харя привычно, мало отличаясь в этот момент от редких и не совсем трезвых посетителей, но Жека, сам уже подхмельком, не мог определить ни степени опьянения, ни мотивов агрессивного поведения малознакомого ему человека. Он только видел, как чёрные глаза Харина застыли в глубоких глазницах в тяжёлом, недобром взгляде. Но Жека молчал и сидел, не двигаясь.

– Я же сказал – отвали! – повторил Харя с угрозой в голосе и попытался привстать, но Грозин удержал его за плечо.

Харя не стал противиться Грозину, и на какое-то время притих, поглядывая в сторону Жеки.

– Скажи, чтоб этот свалил отсюда... – медленно проговорил он, обращаясь уже к Грозину и затем, словно указывая, к кому относятся его слова, повернулся к Зотову.

Бездомная лопухая дворняга, заскочившая в кафе по-

греться, испуганно спряталась под соседним пустующим столиком и теперь, наблюдая за ними, вертела по сторонам умной, заиндевелой от мороза мордашкой.

– Мы вместе пришли – вместе и уйдём... А ты решил тут покомандовать?! – Грозин заметно напрягся, хотя говорил спокойным голосом. – Ты же гость, а в гостях не командуют...

Лицо Харина на мгновение искривилось от усмешки и вновь стало неподвижным. Наступила пауза, которая тянулась до тех пор, пока Грозин, пытаясь как-то разрядить ситуацию, осмотрел стол с пустующими стаканами, а затем произнёс:

– Что-то в горле пересохло... И гость к нам пожаловал... Пойду-ка я в буфет – и закажу ещё водочки!

Возможно, в тот момент Грозин надеялся, что этим шагом он как-то погасит напряжённость за их столом, но Харя тем и отличался, что от него можно было ожидать чего угодно. И, как только Грозин отошёл от них, застряв в небольшой очереди у буфета, Харя предложил Жеке выйти и потолковать.

В той ситуации это прозвучало как вызов, и Жека, почти не размышляя, направился к выходу. Он вышел на улицу, уже окутанную морозной, синий дымкой вечерних сумерек, и остановился на углу здания. Вскоре появился Харин, и они, встав напротив, молчаливо смотрели друг на друга, словно приглядываясь.

Внешний облик Харина не изменился: чёрные глаза у него

будто вмёрзли в гнусноватое лицо и, как прежде, не выражали ничего доброго.

Но Жека не заметил в них, ни блеска, ни малейшего намёка на азарт, который всегда присущ борьбе и неизбежно отразился бы в них. Однако в глазах у Хари зияла лишь чёрная пустота.

– Ну и что скажешь?! – первым заговорил Жека.

Они стояли у кирпичной стены, вплотную друг к другу. Жека оказался чуть выше ростом Харина и почувствовал от этого свое физическое превосходство над ним.

Чёрные, застывшие глаза Харина уже несколько его не пугали, и он смотрел на него не просто спокойно, а даже чуть-чуть снисходительно. Харя не выдержал и наконец-то скосил в сторону свой неподвижный взгляд, сказав при этом:

– А где тут... толчок?

– Толчок?! – удивлённо переспросил Жека и, подозревая какой-то подвох, ещё раз взглянул на него в упор. Тот улыбнулся ему какой-то жалкой улыбкой и Жека только сейчас заметил, как его пробирает холод через толстый свитер.

Он посмотрел на другой угол здания, где в подступающих сумерках ещё виднелась тропка, сбегаящая вниз к деревянному сооружению, похожему на место общественного пользования.

– А вон, смотри! – Жека указал Харину рукой. Тот посмотрел в ту сторону, а затем поплёлся туда, ругаясь по дороге. А когда исчез за углом, то Зотов, не дожидаясь его

возвращения, направился обратно в кафе и на повороте чуть не столкнулся с Грозиным, торопливо идущим ему навстречу.

Вид у него был суровый и решительный.

– Где Харя?! – спросил Грозин.

– Харя?!.. А он описался или обкакался... Хрен поймешь!

– Как описался?! – недоумевал Грозин.

– Как?!.. Обычно – в прямом смысле, – ответил Жека. –

На толчок отправился!

Грозин крикнул не от досады, не то от облегчения, и они вдвоём вернулись в кафе, где навстречу Серёге уже неслась девчужка из персонала заведения. Она стала выяснять у него, зачем он схватил с собой вилку, перед тем, как убежал недавно из кафе.

Грозин показал ей руку с зажатой в ней стальной вилкой и сказал насмешливым голосом:

– Не бойсь... Не спёр я вашу вилку – вот она!.. На шампур хотел одного гада насадить. Один удар – четыре дырки!.. Ферштейн?!

Девчужка и без знания немецкого языка сообразила, что ничего криминального с казённой вилкой не случилось, поэтому только улыбнулась и отошла по своим делам, а они сели за свой столик и закурили.

– Я этого урода с пацанов знаю, – сказал Грозин про Харина. – Он ещё тогда без ножа не ходил... А когда вы запропали, то я и рванул с вилкой – черт знает, что там случилось!

Он замолчал, потушил сигарету, а затем с раздражением сказал:

– И где эта... харя?... В толчок провалилась, что ли!

Харин так и не появился, а кафе незаметно опустело, даже незадачливую любительницу оперных арий, которая до этого мирно посапывала на полу рядом с батареей отопления, добрые люди незаметно унесли в отстойник к участковому милиционеру Митяеву.

И уже давно сбежала из-под стола дворняга с умной мордашкой, которая нашла тут временный приют в холодную пору, заодно насытившись здешними обедками и видом двуногих нетрезвых существ.

А Грозин с Жекой, молча и без охоты, допили всю оставшуюся у них водку и покинули заведение.

Хотя на календаре ещё только значились первые дни зимы, но морозы в Найбе стояли нешуточные и грунтовые воды в траншеи, застывшие от холода, уже не поступали и не мешали работам нулевого цикла.

Но, похоже, нулевой цикл со сладким воздухом свободы сильно подкосил ряды эков-условников. Одни раскрутились на воле, а другие, загуляв, предпочли вернуться на зону, чтоб шить там, в тепле, рукавицы и прочую нехитрую швейную продукцию, чем общаться здесь с мёрзлой землей, которая сейчас воспринимала только лом и совковую лопату.

Общага в Найбе для условно осуждённых опустела и перестала существовать вовсе, а те, кто остался работать на стройке, перебрались на постой к местным жителям.

В тот день, когда Жека вышел на работу после возвращения из Неверова, на стройку прибыл прораб. Он осмотрел объект с мастером Иван Степановичем Барсуковым, потом они довольно долго совещались в новом, недавно построенном тепляке, а перед обедом прораб уехал в Качкар.

После обеда Барсуков собрал всех для короткого производственного совещания. Жека обратил внимание на то, как мало их осталось с тех пор, когда они прибыли этапом в Качкар в двух вагонзаках. И если не считать нескольких человек, которые, как и Грозин, работали в промкомбинате, то

теперь они почти всё умещались здесь, в этом тепляке, и это были люди, которые не отказывались от работы.

– Я сказал прорабу, что мои ребята не дети Форда и за такие деньги пахать не будут, – Жека встрепенулся, когда услышал хриловатый, но поставленный, как у строевого командира, голос мастера Барсукова.

– Грунт тяжёлый и прораб согласился... Платить за него будут по самым высоким расценкам, – продолжал Барсуков и назвал расценки.

Ребята отреагировали на его слова вяло, только Миша Соловейчик заинтересовался подробностями беседы мастера Барсукова с прорабом.

Потянулись рабочие дни, наполненные тесным общением с мёрзлым грунтом при помощи ломов.

Попробовали использовать на объекте технику: привезли на несколько дней компрессор и с помощью пневматических отбойных молотков начали долбить мерзлоту в траншеях. Оказалось, что работать ломami производительнее, если умело ими пользоваться.

Мерзлота не уголёк, не руда, поэтому шахтеры из них не получились и компрессор с молотками отвезли в Качкар обратно. А они продолжили крошить мерзлоту под фундаменты пусть тяжёлым, но уже давно испытанным способом. При такой работе люди быстро согревались, поэтому бегать в тепляк каждый раз для перекура не было необходимости.

Во время таких перекуров ребята наблюдали за редкими

людьми около стройки и заметили сегодня колоритную парочку долговязых тунеядцев, мужчину и женщину, видимо, сожителей, которые промышляли чисткой отхожих мест в соседней с ними школе.

– Глянь, а глянь... – Лёха толкал в плечо Жеку. – Смотри!.. Влюбленная парочка... Ромео с Джульеттой!.. И куда это они спозаранку прут?

– Куда-куда – в школу!.. Они там калымят... и детей к труду приучают своим примером, – ответил ему Миша Соловейчик.

– И чем калымят? – с напускным интересом спросил Лёха.

– Чем-чем... Толчок там чистят, – кто-то ответил со смехом, но Лёха не успокаивался.

– Жека, пойдёшь золотарить по Найбе, а?! – шутливо спросил он Зотова. – У них там расценки точняк выше наших!

Жека на шутку не откликнулся, а подуставший Миша Соловейчик зло проговорил:

– Нам здесь мерзлоты по горло хватает – на дерьмо уже сил нет!

– А у Ромео с Джульеттой они есть, – продолжал Лёха. – Чудеса любви и только!

Миша Соловейчик посмотрел вдаль, о чём-то размышляя, а потом возразил ему:

– Не прав ты, Лёха!.. Эти педагоги-ассенизаторы на Ромео с Джульеттой уже по возрасту не тянут... Так, Лёха, в наших

краях, фатум и фортуна бродят в обнимку... В поисках хлеба... И никаких тебе чудес любви!

– Лихо!.. Лихо загнул, Соловей, – ответил ему Лёха, сверкнув глазами. – Вот за это я тебя уважаю, как отца родного!

Однако на роль отца родного для членов бригады, кроме Миши Соловейчика, претендовал, пожалуй, лишь мастер Барсуков. По манерам и выправке он напоминал Жеке военного и вскоре эти предположения подтвердились.

Миша Соловейчик, которого Барсуков выделял среди всех, как самого старшего и наиболее грамотного, общался с мастером чаще других и знал его лучше, чем остальные. Он и рассказал Жеке, что Барсуков, в прошлом боевой офицер, после войны исполнял обязанности военного коменданта на крупной узловой железнодорожной станции, где с ним произошла одна история, которая, по сути, сломала ему жизнь.

На этой станции из спецсостава бесследно пропали один или два вагона с оружием и боеприпасами. Вот за эту промашку Барсукова осудили, лишили воинского звания, и он получил от родины свою последнюю награду – девять лет лагерей.

Отсидел почти весь срок, а когда вышел на свободу, то далеко не отчалил от здешних мест, где отбывал наказание, поскольку с прежней семьей отношения у него давно прекратились, а из близких родственников никого уже не осталось.

С той поры Барсуков поселился в Найбе, женился тут, стал отцом семейства и доработал здесь до пенсии.

Барсуков часто позволял себе цитировать любимого вождя всех времен и народов, при жизни которого отсидел такой солидный лагерный срок. И получалось, что цитируя его, он тем самым не только возвеличивал уже развенчанный образ вождя, но ещё и выражал свою признательность тирану за его смерть, благодаря которой вышел на волю раньше срока по амнистии в связи с этим событием.

Но Жека не понимал до конца, зачем Барсуков цитирует этого человека, если сам пострадал в те времена от жестокого режима?.. Подлинность же цитат ни у Жеки, ни у ребят из бригады сомнения не вызывала – трудов вождя всех времен и народов они не читали, поэтому верили Барсукову на слово.

Работы нулевого цикла продвигались – на готовых участках уже начали устанавливать опалубку, и бетонные работы приближались с каждым днём.

Для них необходимо было организовать две рабочие смены по приёму бетона, причём ночную смену из тех, кто проживал рядом со стройплощадкой. Таких людей набралось меньше, чем в первую смену. И тут, в тепляке, среди членов бригады, зародились сомнения по поводу возможности приёмки бетона в ночную смену.

– Справитесь, я уверен, – пытался развеять их сомнения Барсуков. – Народ, как говорил Иосиф Виссарионович, во-

оружённый идеями партии, может всё!.. Такой народ – это непробиваемая стена, и такой народ непобедим!

Стена, в лице членов бригады, молчала, но опустошала во время цитирования вождя всех времен и народов пачку «Севера» – любимых папирос мастера Барсукова. Он щедро предлагал их всем и, казалось, что ими у него забиты все карманы овчинного полушубка. А когда он стоял с офицерской выправкой в своём приталенном полушубке и, попыхивая папироской, медленно оглядывал стройплощадку, как боевую позицию, то в этот момент представлялся Зотову настоящим генералом из одного популярного кинофильма, только на голове у того была каракулевая папаха, а у мастера Барсукова шапка-ушанка с кожаным верхом.

Когда на объект пошёл бетон, то на подмогу, в первую смену, им неожиданно прислали бригаду пожилых женщин-разнорабочих, которые несколько дней таскали его носилками-акарёнками, бегая над траншеями по мосткам из толстых досок.

Мостки под тяжестью опасно прогибались и кто-то из ребят предупредительно крикнул:

– Эй, бабуся, сбавь обороты, а не то в яму сыграешь!

– Кака я те бабуся?! – я шо ябуся! – раздалось в ответ от одной, самой бойкой из них.

Мужики рассмеялись, а Жека спросил мастера Барсукова, стоявшего с ним рядом:

– А зачем они... и откуда?!.. Мы и так бы справились.

– Это не моя инициатива... Кто-то в СМУ перестраховался, возможно, наш прораб. А бабы эти – бывшие колхозницы... В своё время дали дёру из колхозов, а сейчас, видать, трудового стажа для пенсии не хватает, вот таким образом его и зарабатывают, – ответил Барсуков, посмотрел внимательно на Жеку и, заметив его недоумение, произнёс с сожалением в голосе. – И ничего тут не поделаешь – другой работы в наших краях для этих баб нынче нет!

– Понятно, – растерянно произнёс в ответ Жека.

– А, что – и здесь колхозы были?! – закуривая, спросил Лёха.

– А где их не было?! У нас и заполярным кругом кукурузу сеяли, – с раздражением в голосе ответил Барсуков.

– Ну, ты, Степаныч, загибаешь!.. Кукуруза, заполярный круг... – недоверчиво, с ухмылкой ответил ему Лёха.

– Что не веришь, мне?! – Барсуков быстро повернулся к Лёхе и резко сказал. – Партия прикажет – на Луне сеять будешь!

Тусклые, зелёные глаза Барсукова на миг засветились, в уголках дряблых губ появилась едва заметная улыбка, и он слегка оскалился, как старый волк. И хотя от него повеяло въедливым страхом, но невозможно было понять: шутит он или говорит серьёзно.

В один из вечеров хозяйка дома, баба Тая, позвала Жеку поглядеть на незнакомого ей человека, который постучался в окошко. В окне он с трудом разглядел лицо Юрки Сомова.

Юрка являлся у них в последнее время фактически бригадиром, поскольку имел высшее образование строительного профиля и подходил на эту должность по своему характеру, спокойному и рассудительному.

Жека вышел во двор, освещённый мутновато-жёлтым светом лампочки, открыл ворота и увидел перед собой Сомова, который тяжело дышал от быстрой ходьбы и выглядел взволнованным. Он заговорил сбивчиво, матерясь, однако Жеке не стоило усилий понять, что случилось.

Оказалось, что два человека из их бригады, которые сегодня должны выйти в ночную смену, просто-напросто, напились и не в состоянии этим вечером принимать бетон на стройплощадке, поэтому требовалось их подменить.

Жека быстро собрался и они чуть ли не бегом ринулись в центр посёлка, где на стройке уже кипела работа.

К тому времени на объект прибыл первый самосвал с бетоном. Возили его с растворно-бетонного узла, расположенного недалеко от Качкара, а расстояние оттуда было немалое, поэтому бетон подмерзал за время в пути.

Отсюда возникали сложности при его выгрузке, поскольку

бетон не желал стекать в металлические лари из поднятых кузовов самосвалов.

Решались эти сложности, как обычно, с помощью лома, совковой лопаты и, разумеется, больших физических усилий вперемешку с отборным матом.

В ту ночь им повезло – вместо трёх пришло всего два самосвала с бетоном, поэтому к полуночи они завершали основные работы.

На первом участке электрик уже устанавливал металлические электроды для системы электропрогрева бетона, а на последнем участке фундамента они формовали бетонную массу, уплотняя её с помощью электровибраторов.

В полночь на стройку пожаловал сам мастер Барсуков. Обычно прямой, как штык, он остановился недалеко от тепляка и застыл там, словно вкопанный.

Фонарь хорошо освещал это место и было видно, что Барсуков слегка покачивается. Он медленно оглядел стройку и заорал хриплым, пьяным голосом:

– Юра, всю работу возлагаю на тебя!

Ребята, занятые работой, не сразу обратили на него внимание. Тогда Барсуков сложил ладони у лица рупором и прокричал ещё раз, уже более зычным голосом:

– Юра, ты понял?!.. Всю работу возлагаю на тебя!

Сомов, наконец-то, услышал Барсукова и, разглядев его под фонарём у тепляка, несколько раз громко покрыл его матом, а затем спокойно продолжил работать.

Барсуков же, услышав от него неласковые выражения, лишь пьяно ощерился добродушной ухмылкой старого, уже беззлобного волка, потоптался некоторое время на месте, а затем не спеша удалился.

Только в конце смены Жека узнал от Сомова, что те двое, что напились и не вышли в ночную смену, устроили вчера гулянку с мастером Барсуковым. Оказывается, они вместе обмывали его покупку – стиральную машину. А Барсуков, как многие мужчины в нашей северной стране, имея слабость к алкоголю, мог по этой причине запить, притом на длительное время.

Через день Найбу накрыли ещё более трескучие морозы и бетонировать фундаменты стало невозможно. Начались активированные дни по погодным условиям и работа на объекте замерла... Все те, кто уже вошёл в загул, его продолжили, а остальные, за редким исключением, к ним присоединились.

Теперь каждое утро члены бригады собирались на стройплощадке, чтоб узнать точный прогноз погоды, и, поглядывая на термометр на стене тепляка, ожидали Барсукова.

Он приходил на объект всегда последним, шумно сопел, мучаясь с похмелья, и, потирая задубевшее от мороза лицо, говорил:

– Ну, что орлы?!.. Объявляю акт о капитуляции по причине климатических условий... Сегодня день активируем – все свободны!

Барсуков давал распоряжения электрику по прогреву бетонных фундаментов, по установке ограждений и ночной охране объекта, а потом удалялся с частью бригады в сторону кафе, где можно было опохмелиться. А похмелка у нас, как известно, это продолжение вчерашней пьянки.

Однако в Найбе бесплатно или просто за красивые глаза никто никого долго не поил, а халявный кир и денежки всегда когда-то кончаются... Ну, а фактов влияния пьянства на слабоумие хоть пруд пруди!.. И в этом смысле, в период актированных дней, в Найбе отличились два уже далеко не юных члена из бригады условников, которым позарез нужны были деньги на выпивку. И пьяная вожжа, как говорится, попала им под самый хвост.

Они в похмельном угаре выкрали из местного дома культуры несколько рулонов кумача – остаток от прошлой пятилетки и весь запас на будущую... И тем самым поставили под угрозу всю агитационно-пропагандистскую деятельность очага культуры на многие годы вперед.

Пытаясь продать кумач, они несколько часов носились на санной повозке по деревушкам вблизи Найбы, где, по непонятным для них причинам, хлопчатобумажная ткань ярко-красного цвета оказалась невостребованным товаром.

Тогда они вернулись в центр Найбы и сдуру остановились рядом с кафе, как раз напротив местного отделения милиции. И здесь, как следовало ожидать, они попались в лапы старшего участкового уполномоченного Митяева, который,

будучи опытным охотником, на своём посту не дремал.

Вся эта криминальная история с кражей кумача вызывала лишь грустную иронию, а кого-то в Найбе даже насмешила, то только не тех двух бедолаг, которые в неё влипли. В ближайшей перспективе их ожидал суд за хищение государственной собственности, приличный довесок к прежнему сроку и возврат на зону с более суровым режимом содержания... И всё это им причиталось за кражу нескольких рулонов кумача ради заурядной выпивки.

На оставшихся членов бригады легла дополнительная нагрузка, поскольку ряды тружеников на объекте в Найбе неумолимо сокращались, а работы по бетонированию фундаментов необходимо было завершить до нового года. И хорошо, что морозы продолжились, а рабочие дни активировались, ведь только они позволили многим горе-труженикам, в том числе мастеру Барсукову, плавно выйти из запойного состояния и подготовить себя к новым жизненным невздам и трудовым испытаниям.

А Жеке, в те зимние вечера, предстояло пройти испытание ещё и женским обществом, которое неожиданно прибавилось в доме бабы Таи за счет девчат-студенток медучилища, прибывших в Найбу на практику в районную больницу.

Они поселились у неё, видимо, по нескольким причинам: во-первых, её свободный дом располагался недалеко от больницы, а во-вторых, она до пенсии долгое время там работала, и девчат, скорее всего, оттуда и направили к ней для устрой-

ства на жильё.

До войны, а ещё некоторое время после неё, Найба являлась районным центром, поэтому здесь располагались все административные и прочие учреждения районного значения. Когда в окрестностях Качкара обнаружили какую-то *хитрую*, но очень нужную стране руду, то проложили нормальную железную дорогу, взамен узкоколейки, и начали строить вокруг рудники, а новым райцентром официально стал небольшой посёлок Кым, через который пролегла эта дорога.

В Найбе, где кроме речки Имши со сплавной конторой и нижним складом, лесхоза, леспромхоза с промкомбинатом ничего другого более не имелось. С той поры она значилась простым посёлком, но тут всё ещё находились районное отделение сельхозтехники и районная больница.

Вечером Жека зашёл на другую половину дома, чтоб познакомиться с девчатами. Одна из них, которая показалось на вид постарше своих подруг и посмелее, сказала ему:

– А мы, Женя, вас уже знаем.

– Откуда? – слегка удивился он.

– А мы недавно из Качкара в Найбу одним автобусом ехали.

– Что-то припоминаю, – ответил Жека, улыбаясь, и стал внимательно разглядывать девчат, а это, похоже, были те самые весёлые и шумные попутчицы, которые ехали с ним, когда он возвращался в Найбу из дома.

– А ты, Женька, на девчат особо-то не заглядывайся, –

предупредила его баба Тая не то в шутку, не то всерьёз. – У них у всех свои парни уже имеются... Вот так!

Жека отмолчался на слова бабы Таи, а девчата пригласили его пить чай, и он пристроился за столом, в уголке.

Баба Тая возилась у печи, приговаривая:

– Печка... она, как человек – с душой или без неё... Одна, может, и неказиста на вид, зато греет, кормит и даже поёт, а другая вроде красна собой, так от неё один дым только да копать валит, хоть деньгами топи!

Ядрёные морозы сдали, а вслед за ними закончились активированные дни и многие из бригады, прекратив пьянство, протрезвели, вернулись к нормальной жизни – и бетонирование фундаментов на объекте в Найбе продолжилось.

Зимние, тягучие вечера Жека проводил теперь в компании с девчатами-медичками. Вначале они подолгу разговаривали обо всём, что интересно молодым людям, иногда играли в подкидного дурака и девчата всей женской компанией безуспешно пытались обыграть Жеку.

Когда надоели разговоры и карты, то начали прогуливаться по тихой, ночной Найбе или катались до полуночи на больших санях с пригорка, где стоял их дом, и неслись в них до перекрестка по пустынной дороге, серебристой от лунного света.

– Жека, а почему ты на танцы не ходишь? – задавала ему вопрос одна из девчат.

– А подруга из местных у тебя есть? – допытывалась другая. – В больнице медсестра, из поселковых, за одного вашего условника уже успела замуж выйти.

Жека отнекивался, отшучивался, но девушки оказались наблюдательными и примечали, что их молодой сосед выглядит порою грустным по непонятным причинам, однако будущие фельдшера и медсестры оказались деликатными и не до-

саждали его распросами.

Писем он уже не писал да, по сути, и писать было некому и некуда – о дальнейшей судьбе Андрея Истомина он ничего больше не знал, а с другим приятелем, который тоже служил в ГДР, переписка прервалась. Жека изредка звонил родным по междугороднему телефону, перестав им писать вовсе, но они на него не обижались, довольствуясь этим.

После череды однообразных дней, у Жеки возникала потребность отключиться от всего, хотя бы на время. И тогда он проводил вечер в одиночестве: что-то читал в своей комнате, а чаще просто лежал на кровати, курил и слушал транзисторный приёмник, который ему подарил отец.

Телевидение до Найбы ещё не дошло, поэтому радио здесь значило многое. Жека установил комнатную антенну из набора, купленного в магазине, и слышимость у приёмника с этой антенной оказалась отличной. Иногда, поймав в эфире приятную на слух музыку, он грустил, слушая её, словно чувствовал, пока ещё неосознанно, как что-то ускользает, проходит мимо него стороной в его нынешней жизни.

В памяти перед ним всплывали лица родных и близких людей: внимательный и умный взгляд Веры Капитоновой, строгое и волевое лицо Андрея Истомина... У него возникали неясные надежды, они согревали Жеку, и он улыбался от таких мыслей, веря, что в недалёком будущем его непременно ожидают важные события, самые главные свершения и радости... И грусть незаметно, как уплывающая из эфира

мелодия, покидала его молодую душу.

По радио, на коротких волнах, вещали зарубежные, так называемые враждебные голоса, которые периодически глушились, однако что-то из-за бугра всё-таки пробивалось. Голоса всё ещё обсуждали последние события в Чехословакии, ввод туда советских войск, притеснения инакомыслящих в странах соцлагеря, а также другие темы, которые Жеку особо не интересовали, да и не всё, что эти голоса проповедовали, становилось сразу же ему понятным.

В школе, на уроках истории и обществоведения, он своими вопросами ставил изредка в тупик учительницу, которая была не только их классным руководителем, но ещё являлась секретарем парткома школы и даже с ней конфликтовал по классным делам. Жека и не подозревал, что его неудобные вопросы «Зачем?» и «Почему?», которые часто повисали в воздухе или получали малоубедительные ответы, формировали в нём того самого гражданина новой, уже его собственной страны Неверия...

Однако сейчас Евгения Зотова, зэка, отбывающего наказание на стройках народного хозяйства, политика и общественная жизнь не волновали. И не далёкие, забугорные радиоголоса, а только незатейливая реальность, которая окружала молодого Зотова и задевала его, иногда обжигая, могла ещё как-то будоражить сознание и ставить перед ним какие-то вопросы.

Люди, которые совсем недавно были для него просто пло-

хие или хорошие, добрые или злые, теперь делились лишь на ментов и вертухаев, бугров и начальников, зэков и вольных, коммунистов и беспартийных, но этому делению Жека не придавал в своей жизни особого значения.

Но необъятная и всё ещё абстрактная в его сознании страна, в которой он жил, постепенно превращалась для Жеки в огромную машину. А как, для чего и главное для кого она существует? – Зотов понимал ещё смутно.

Странная машина функционировала, напоминала ему о своем существовании, и следы этих напоминаний оставались надолго, однако разбираться во всём этом Зотову приходилось уже потом, значительно позже.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.